

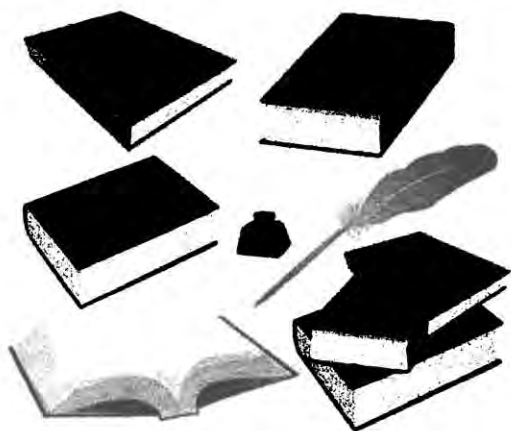
Когда
приходит
вдохновение

Красноярск 2016

Когда приходит вдохновение

Коллективный
сборник прозы

Красноярск 2016

Когда приходит вдохновение:

Коллективный сборник прозы.

– ШАРЫПОВО– КРАСНОЯРСК, 2016. – 132 стр.

Над книгой работали: Тамара Хведченя,

Надежда Сафиуллина, Любовь Помыткина, Сергей Новиков,

Людмила Дубовцева, Елена Королева, Наталья Сорокина.

Фото на передней обложке и на титульном листе из ресурсов Интернета.

Фото авторов на задней обложке Любви Помыткиной.

Книга публикуется на собственные средства авторов и спонсорскую помощь Игоря Николаевича Королева.

Авторский коллектив искренне и сердечно благодарит его за финансовую поддержку.

Компьютерная верстка Марины Богдановой

© Коллектив авторов, 2016

В ДЕРЕВНЕ У БАБУШКИ

Николай откровенно рвался в деревню, как только появились первые признаки лета. Он с утра до вечера суетился, ежедневно бегал в магазины, подбирая необходимые крючки, лески, поплавки. Десятки раз в день повторял: скорее бы летние каникулы... Бабка уже наверняка считает дни, когда мы съедемся к ней в гости, без нас она просто не может.

И он все чаще вспоминал особенности прошлых каникул и даже подробно в своих частых рассказах воспроизводил различные истории из деревенской жизни. А вспомнить было что. С тех пор, как только он встал самостоятельно на ноги, еще задолго до школы, ежегодно все лето жил у бабушки Раи. А слетались к ней разом Коля с братом Сашей, двоюродные братья Сергей, Андрей, сестренка Танюшка. И тихий в зимнее время бабкин дом превращался в шумную суетливую семью. А случись по какой – либо причине задержка с отъездом в деревню, бабка отложит все свои срочные дела, приедет сама и с руганью в адрес родителей заберет внуков к себе. Бабка не давала им никаких уроков по учебникам, она и читать – то не умела, но учила очень и очень многому: познанию жизни, понятию всех ее особенностей, любви ко всему живущему вокруг, видеть и понимать природу.

Бабка давно разменяла восьмой десяток лет и почти все эти годы прожила в замечательном уголке природы – деревне Большое Озеро. Эти особенности бабкиной жизни Николай уже осознанно знал со слов отца. Знал он и то, что все годы ее большой жизни связаны с рыбалкой. Некоторые

называют ее даже бабкой – браконьеркой. Нет! Николай хорошо знал и понимал, что не тяга к наживе, легкой и жестокой по отношению к природе, а любовь к ней, привычка, ставшая необходимостью жить в самой природе, среди гор и озер, привязали ее почти на век к озерам, к рыбалке. И теперь эту любовь она усердно передавала внукам.

У Николая уже действительно много интересных памятных дней, навсегда оставшихся в его сознании. Вот и сейчас, как наяву, пред глазами встают события лета пятигодичной давности.

Шел ему тогда десятый год. Часов в шесть бабка слегка крутанула Николая за нос:

- Колюшка, вставай! Пора на озеро.

Летом в деревне набегаешься от души до самой темноты, вставать в такую рань тяжело, но уже привык и отказаться от предстоящего удовольствия просто не мог. Бабка отпустила в его адрес несколько шуток (а это она умеет с большим мастерством), настойчиво пощекотала пятки и вроде неосторожно свалила с него одеяло. Николай знал: бабка делает все специально и, не сопротивляясь, поднимался. Как всегда, он видел стоящий на лавке подойник с молоком, рядом на столе – кружка парного молока для него. Николай кулаками протер глаза, выпил молоко и уверенно шагнул во двор в прохладное утро. Он, не дожидаясь распоряжений бабки, выпроводил Красулю на выгон и был готов идти к озеру на утреннюю рыбалку.

Коля у бабушки – один из любимых внуков, и не потому, что хорошо учился, а потому, что во всем послушный, на все поручения отвечал: «сисяс», хотя иногда тут же забывал о них. А вечерами он часто усердно и с азартом резался с бабкой в подкидного дурачка, запросто обыгрывая деда, доводя его до скандального взрыва за постоянные проигрыши, а главное – за резко выраженную любовь к озерам,

азарт к рыбалке. И бабка видела, что он уже запросто может поспорить с ней в познании рыбалки, оборудовать самостоятельно любую удочку и с кем угодно посоревноваться в ловле рыбы и даже может насадить и оборудовать сеть. Неслучайно в свои четырнадцать у него рыбацкий стаж десять лет.

А Коля, улыбаясь, вспоминал. Утренняя роса, неприятно холодная для босых ног, от озера тянуло свежестью, разгоняя окончательную дремоту. Озеро уже жило своей активной жизнью. Остановились на песчаной кромке у самого берега, притихли. Повсеместно, насколько охватывало зрение, вдоль камыша утиные мамы водят хороводы со своими многочисленными, но дружными семействами, их игры в самом разгаре. Камышовые прогалины то и дело пересекают одиночки - ондатры, словно быстроходные катера, рябь воды от которых устремляется в заросли камыша, и они, не оставаясь в долгу, о чем – то глухо и долго шумят, раскачивая свои головки – метелки по сторонам, вероятно, возмущаясь, что потревожили покой. В отдалении от берега на водной глади с гордо поднятыми головами огари оберегают свои семейства, часто переключаясь между собой, как часовые спрашивают и отвечают: все ли в порядке в твоём фланге. Родители на солидном расстоянии с обеих сторон, посредине между ними – семейство огарят, штук пятнадцать. Немного подалее справа – еще выводок огарей и в таком же построении. На значительном расстоянии от них, к центру озера, еще несколько огариных семейств. И все в переключке, в переговорах. И малыши, подражая старшим, непрестанно о чем – то громко разговаривают. Коля знал, что пока огарята не встанут на крыло, им родители не позволяют подходить близко к другому семейству: довольно ревниво относятся к их воспитанию, не то, что утки, запросто могущие побаловаться с соседями. Вода еле рябит, раз-

ливая утренние лучи солнца мириадами вспышек, и лучи играют в прозрачной водяной прохладе.

Подводное царство тоже проснулось от ночного покоя. Все чаще по всей водяной глади в различных местах раздаются звучные всплески с разбегом кольцевых волн – резвится на утренней зарядке рыба, по всплескам и кругам можно легко определить вид и размер подводного шалуна. Вот пошла полосой рябь при полном отсутствии ветра: пошла на прогулку большая стая сорожняка и наверняка в сопровождении забияк – окуней. Немного в стороне от камыша вглубь пошли расходящиеся водные стрелы. Невидимые хребты и плавники разрезали поверхность воды. Одна стрела впереди, немного поодаль – сзади с обеих сторон четыре – пошла на прогулку карпы: впереди – самка в сопровождении мужского конвоя. В камышах раздался большой всплеск, словно бревно бросили в воду, заколебались камыши, волны, разбегаясь, пошли за пределы зарослей – щука зашла в царство карасей, и они сейчас быстро зарываются в ил, прячась от прожорливой хищницы: уж лучше отлежаться в грязи, чем оказаться в ее острых зубах.

Бабка шагнула в сторону лодки.

- Баба, подожди, послушай, - Коля замер, до предела напрягая слух и зрение. Бабушка в недоумении остановилась.

- Ты чего, Колюшка, вот она, лодка, в камышах с краю, - она намеревалась идти к лодке.

- Послушай, баб Рая, здесь все, как в сказке. Послушай! Послушай!

Бабушка послушно остановилась, с улыбкой разглядывая внука.

- Т-сс... - Коля грозил ей пальцем.

Просыпается музыка озера: дунул ветерок – взмах дирижерской палочки – и заговорили камыши, моментально сливая звук в приглушенную песню; здесь же ее подхватили

камышовки – маленькие птички, резвые, балованные; влились мелодично и беспрестанные посвисты утят. Песня нарастает. Слушай, лови звуки внимательно. Вот вступают в хор более солидные голоса: басовитые ноты огарей, крикание селезней, к ним на равных стараются присоединить свое надсадное кваканье лягушки из камышей и из-под прибрежных кочек, заявляя, что они – полноправные жители озера, полноценные участники утреннего хора. В завершение, как в огромную духовую трубу, подает свой голос выпь, не случайно местные жители называют ее озерным быком. Эта песня начинается с рассвета и заканчивается, когда мы уже спим.

Бабушка села в лодку.

- Поплыли, Колюшка!

Лодка у бабки деревянная, из досок и, пожалуй, не намного моложе самой хозяйки. Большая, тяжелая на плаву, вертлявая на стороны и изрядно дырявая. Но на ней надо уметь плавать и не лениться усиленно работать веслом и банкой, иначе вперед будешь двигаться медленно, на дно пойдешь быстро. Бабка на правах старшего гребла веслом и управляла лодкой. Коля банкой выливал постоянно поступающую через невидимые щели воду. Вдруг взгляд Коли упал в озерную глубину, он на мгновение замер от неожиданности – в «нептуновых» зарослях, нежась в лучах утреннего солнца, в каком – то сонном состоянии, лениво шевеля плавниками, стояла огромная рыбина. Коля на свою удочку таких не ловил. От удивления он потерял осторожность и чуть не вывалился за борт бабкиной каравеллы.

- Баб, мотри, мотри!.. – выдохнул он в рыбацком азарте.

Бабка едва могла его понять. Слова выплеснулись единым потоком, безо всяких интервалов и ударений, а буква «с» оборвалась вообще и потерялась где – то в голосовых связках. Бабка повернула голову и сразу оценила обстановку.

ку. Движением весла лодка быстро развернулась, в бабкиных руках весло взметнулось вверх и резко ребром опустилось в воду на «загривок» лобастой рыбины. Оглушенная точным ударом весла, рыбина погрузилась в глубину, но тут же всплыла кверху животом. Секунда – и она в лодке. Это был карп весом килограмма четыре. Вскоре рядом с карпом лежали две щуки и несколько карасей, попавших в старую бабкину сеть. Обед был королевским.

Тем же летом возвращались они как – то с бабушкой с рыбалки все на той же лодке. Время было вечернее. Бабушка спешила домой. Вдруг на берегу раздались тревожные крики огарей, и этот плач захлестнуло ружейными выстрелами. Бабушка развернула лодку на звуки и быстро заработала веслом: спешила к месту трагедии. Виновных на месте уже не застали. Браконьеры по-разбойному совершили налет из засады и так же быстро исчезли. В летнее время птицы доверчивы, очень чувствуют отношение к ним человека, но не знают, что и среди людей есть исключения. На берегу обнаружили метавшихся по траве двух перепуганных птенцов, третий, покалеченный выстрелом, лежал в стороне на боку, но еще живой. Было понятно, что родители их погибли и, вероятно, вместе с малышами.

- Коля, лови, - бабушка указала на мечущихся птенцов и подняла на руки раненого. С немалым трудом Коля отловил птенцов и усадил в рюкзак.

- Баба, возьмем их домой, пусть поживут, потом отпустим, - предложил внук.

- Конечно, Колюшка, с утками определим, пусть живут, - согласилась бабушка, - а этого неси в руках, - и протянула ему подранка. Птенцы были довольно крупные, но покрыты еще пухом, летать, конечно, не могли. Огари – разновидность уток, но значительно крупнее, что – то между уткой и

гусем. На местных озерах за последние годы их стало много, и здешние жители ошибочно их называют турпанями.

В бабушкином дворе в одной загородке жили два десятка домашних утят без утки, и огарят поместили в эту дружную компанию. Больному забинтовали раненое крылышко и перебитую лапку, но прожил он только сутки. Лечение не помогло, о чем долго сожалели. Затея с огарятами оказалась большой обузой. Они ничего не ели, кроме мелкой рыбы и рыбьих потрошков, но в первый же день пищу принимали охотно, ели аппетитно, только медленнее, чем утята, у которых пища пролетала в желудок, не задерживаясь в клюве. Утята были значительно проворнее огарят и в большинстве случаев рыбешки из клюва огарят моментально выхватывали. Огарята без сопротивления недоуменно смотрели на столь непочтительное отношение собратьев по загону. В их семействе все было иначе и степеннее, и уж во всяком случае никто изо рта куски не выхватывал. Коле и Андрейке приходилось ежедневно ловить для них свежую рыбу. И все же чувствовалось, что плен для них слишком тяжел и неприемлем. Они оставались чужаками. Печально сидели поодаль от резвившихся утят. А больше всего тратили время на бесконечные попытки перепрыгнуть через изгородь или найти какую – либо лазейку, осматривали каждую щель, искали любую возможность. Корыто с водой, где полоскались утята, их абсолютно не интересовало, и замутненную утятами воду они принимать не могли. Николай с Андреем напрягли всю свою фантазию, чтобы обласкать и приучить огарят и надеялись на успех. Но во все внесла свои поправки сестренка Андрейки Танюшка – говорушка. Она отдыхала здесь же на бабкиных водах. Ей было четыре годика. И она уже самостоятельно принимала многие решения, без ведома старших, нередко проверяла жизнь питомцев загородки. Активная бабкина помощница по кухонным

делам и уборке горницы в этот злополучный день решила помочь братишкам: в их отсутствие пошла кормить огарят. Это не входило в ее обязанности и даже строжайше запрещалось братьями. Едва она приоткрыла калитку загородки, один из огарят, словно ожидавший такого момента, с огромной скоростью ринулся вперед, быстро перебирая лапками, хлопая крылышками, как он научился бегать по воде. В один миг нырнул в подворотню и скрылся в зарослях крапивы в направлении речки. Преследовать его и тем более по густой и высокой крапиве никто не решился. Пожелали ему счастливого пути. С Танюшкой состоялся серьезный разговор, после которого она больше не решалась вмешиваться в дела братьев. Но и судьба второго огаренка в тот же день была решена.

- Андрюшка, Колюшка, - решительно заявила баба Рая, - унесите птенца на озеро и отпустите, иначе он погибнет, а там около своих сородичей выживет. Видите, он не может жить с утятами, ему немогуту без свежей озерной воды, без своего общества.

- Баба, может, ему отдельно выгородить да побольше корыто с водой...

- Баба, а может, кадушку вкопаем? – мальчики настойчиво предлагали свои варианты.

- Нет! Отнесите сейчас же, - решительно потребовала бабка, - и больше со мной не спорьте.

Огаренка бережно взяли на руки и, меняясь по пути (каждому хотелось поддержать его на прощание), отнесли на берег озера, недалеко от того места, где он был пойман. Как только посадили на воду, птенец сразу понял, что он на свободе. Энергично работая лапками, он отплыл метров на двадцать и, не обращая теперь уже внимания на ребят, не менее получаса усердно мылся, полоскался, клювиком перебирал все пушинки, видимо, устранял следы своего плена

да наверняка за неделю соскучился по водным просторам. Наведя туалет, он нырнул раз, другой, третий, с каждым нырком удаляясь метров на тридцать – сорок. Взял курс к своим сородичам, плавающим стайками в отдалении. Долго мальчишки смотрели ему вслед, стараясь не потерять из вида. И вот до их слуха донеслись громкие птичьи разговоры взрослых огарей, охраняющих выводок, закружилась в хороводе многочисленная ватага птенцов.

- Пошли, Коля, - Андрейка тянул за руку Николая, увлекая от берега. Домой шли медленно, почти без разговоров. Им было жаль расставаться с птенцом и тем более, что дальнейшую его судьбу мальчишкам не узнать.

Историй было много и не менее интересных, Николаю приходилось довольно часто рассказывать их своим одноклассникам и друзьям по хоккейной площадке, и сейчас, собираясь, Николай уверен, что за лето обязательно добавит к старым немало новых замечательных историй о памятных событиях, от которых даже воспоминания дают огромную радость. Радость оттого, что он смог это увидеть и познать.

Как хорошо, что у него есть такая бабушка с гостеприимной деревней и прекрасными озерами!

МОНСТЕРА

Когда-то лет этак десять назад, когда поняла бабка Акси́нья, что помощи от детей ждать не приходится, поменяла она свой домик в старой части города, в бывшем селе, на трёхкомнатную квартирку на пятом этаже, что напротив окон дома старшей дочери. И так ей удобно было все эти годы: и внуки рядом, и обе дочери в этом микрорайоне поблизости живут. Младший любимый сынок, конечно, подалее, но всё же в этом городе, за то спасибо Богу. Вон невестка как грустит, что её родители далеко, в Европе. Не наездишься. Живут себе на Волге, хотя, конечно, сватья один раз чуть не соблазнила всю семейку сына к ним перебраться. Вот уж поплакала, поголосила бабка Акси́нья, что сынок уедет в такую даль. Даже, когда уезжала «на разведку» невестка с младшим ребёнком, прокляла её в след поезду. Но обошлось. То ли с работы невестку не отпустили, то ли квартиры им не пообещали...

Гордится бабка, что все дети её рядышком и помочь не отказываются. И внуки тоже всегда на просьбы откликались. Но вот грянула эта перестройка, и засуетились внуки. Покончали институты, университеты и разлетелись по большим городам. А что? Ведь работы совсем не стало в городе. Куда деваться?

И жила бы так бабка Акси́нья себе: в одной комнате - спальня, в другой - гостевой зал, а в маленькой – зимний сад. Развела цветов всех расцветок и размеров. И пальмы тут у неё, и кротоны разноцветные, но на диво всем – монстера, развестистый большой цветок с такими резными могучими листьями, полкомнаты заняла. Яркая, сочная, под потолок! Соседки бывшие придут, восхищаются, красота-то

какая! Да и завидуют: и тепло, и воды хоть горячей, хоть холодной, сколько хочешь! Чего сады не разводить?

С весны да до осени бабка гостевала у подружек со старой улицы, высаживала рассаду с ними, полола грядки и урожаем помогала собирать, пока силы были. А вот последние года три никуда, сильно ноги подводить стали. Но подружки, кто помоложе, захаживали и по старой памяти носили гостинцы: кто тыкву, кто вилок капусты, кто кабачок. Тут бабке нечего жаловаться. Ведь и у дочерей дачи, и у сына огород. В овощах нет перерыву.

Но вот навалились ЖКХовские страсти, аж в сорок раз увеличили плату за всё. Погрустила бабка Акси́нья, посчитала свои пенсионные «барыши» с учётом всех расходов, да и решила менять свои хоромы на меньшие. Ко времени соседка с первого этажа из «двушки» к дочери собралась в край.

Вот тут и засуетилась Акси́нья. Дочерей подключила, внучку, что жила неподалёку. И всё бы хорошо: и документы оформили быстро, и квартирке новой ремонт дети сварганили, и соседка уж уехала, и, самое главное, что новые жильцы из Норильска не спешили прибыть в бабкину квартиру, - да вот цветы крупные некуда девать! До весны решили на северах дожить новые жильцы, есть время всё раздарить или продать. Только одна беда: цветы, что поменьше, раздарила Акси́нья, - ведь на новом месте не до сада. Так на развод оставила себе растения, что поменьше, а остальное раздала, кому попадя. Только вот красавицу-монстеру никак не пристроит никому. Вроде все хотели бы иметь такую прелесть, да перевести некому. Тяжёл цветок, одной земли ведра три. Тут и зятя, и сын - не помощники, отказались. Нет, чтоб раньше подсуетиться Акси́нье, когда соседка сверху просила ей подарить цветок.

Решилась Аксинья подняться к молодой соседке и предложила забрать красавицу - ведь очень она восхищалась монстерой раньше. Соседка на неделе пообещала забрать. Но прошла неделя, вторая, не забирает цветок молодайка. Пошла Аксинья в детский сад, что напротив подъезда. И там с удовольствием бы приняли большой цветок, да некому перенести. Говорят, мол, бабушка, вы переправьте нам сюда её, мы будем благодарны и рады принять такую прелесть. Попробовала бабка Аксинья предложить «олигарху» - владельцу модного магазина, что рядом с домом, свою великолепную лиану, но и там тоже некому перенести огромный цветок! Рядом стоящая школа тоже не смогла забрать. Нужно ведь найти двух мужиков, чтоб спустить с пятого этажа, да погрузить в тележку, да довести... А где теперь мужиков-то взять? Путные всё по вахтам, вроде, деньги зарабатывают, а вроде бы от семьи убегают. Вон, мальчишки растут, как после войны, поголовно все - безотцовщина! Вся страна на крыле: ни гнезда, ни тепла, ни семейных очагов, всё перепуталось!

Погоревала, даже всплакнула бабка Аксинья. Вот ведь молодые, а бездушные и безрукие, безмозглые и неорганизованные... Делать нечего, вещи уж все перевезла она из старой, любимой квартирki, а цветок всё стоит. И ноги болят у бабки подниматься с первого на пятый, поливать свою любимицу, и делать нечего.

Перекрестилась как-то утром бабка Аксинья, взяла топор, нож и пошла, шаркая ногами, в свою старую квартиру. Открыла её, ещё раз оглядела свою красавицу-лиану и начала срубать лист за листом с её могучего ствола. Плакала и рубила, а сама думала: вот до чего докатились люди, всё им подай, принеси, приготовь. И в садике, и в магазине, и в школе не нашлось организаторов. Губи теперь жизнь на

корню, а делать нечего. Вдруг приедут владельцы этой недвижимости, освободить нужно комнату.

Так часа два возилась: то ножом, то топором срубая по листику, а потом, обрубив ствол, села на пол бабка Аксинья и расплакалась. То ли от жалости к себе, то ли от обиды на жизнь, то ли за порубленную красоту. Поздним вечером по чашечке переносила к мусоропроводу землю, разрубленный ствол и листья, разбитый огромный горшок, а ночью, всхлипывая, как по убиенному, всё горевала, что не сумела пристроить цветок красивый, не нашлось хороших рук ни среди своих, ни среди чужих.

ВОРОБЬИНАЯ СУЕТА

Приболелось... Лежу, смотрю в окно, напившись таблеток и микстур, замотанная старенькой, выдавшей виды пуховой шалью. Осень еще не началась, а я начинаю чахнуть. Не к добру, надо закаляться, больше гулять после работы и в мои почтенные лета не «порхать» с одной работы на другую. Пора бы остепениться, о пенсионном времени подумать! ... Да, брат, пора, ведь за шестьдесят уже.., и загружать себя так, пожалуй, – грех! Наверное, наступает время дать себе отдых, наслаждаясь предоставленным тебе жизнью временем.

Лежу, смотрю на краснеющие, падающие листья рябины за окном и, замечая птичью суету, начинаю следить за стайкой юрких пташек неизвестной породы. Раньше таких птиц в этих краях не видели. Они, оказывается, налетели непонятно откуда полакомиться созревающими ягодами! Но от проезжающей мимо машины всю стайку словно ветром смахнуло, а взамен им на ветки уселось несколько местных жителей – «жидриков». Один из них обломил полуза-

сохшую веточку и полетел в сторону сараев, затем вернулся. «Веточка длинновата оказалась», - подумалось мне, когда он отпустил её, бросил вниз и начал примериваться к более короткой. Непонятно, ведь воробьи не готовятся к зиме. Следующий воробей повторил через некоторое время ту же процедуру. Вот, думаю, строители, подбирают подходящий размер конструкции под облюбованную на холода стреху!

Дождавшись, когда ветерок стихнет, я решила выйти посидеть на солнышке. Болезнь болезнью, а подышать свежим воздухом не повредит!

Побродив вокруг дома, я присела на ступеньку крыльца, подставив осеннему ветерку щёки, радуясь безделью, и тишине, и ласковым лучам осеннего солнца. Воробьиное стрекотанье отвлекло меня от философских мыслей о будущем, и я оглянулась на стайку сереньких шустрых птах. Они, как по ранжиру, усевшись на высоком заборе, взволнованно стрекотали, когда один из стайки камнем падал вниз к собачьей будке. Внимательно присмотревшись, я сообразила: «Птицы выхватывают из-под носа пса клочки спавшего с него пуха!». Эта странная и забавная картинка! Наш «щен» достаточно молод. Нет ещё и года, но очистить его от прошлогодней шерсти возможности нам не предоставил... Такой покладистый, игривый, он огрызался и даже пытался укусить меня, растившую его с величины рукавички, когда я летом собиралась собрать вылезающие огромные клочки рыжего пуха с его спины, шеи, бедер. Вокруг будки скопились пушистые комочки, и когда он отходил чуть дальше, отвлекаясь на прохожих, дна из птиц слетала вниз, подхватывая комочек пуха, улетала куда-то. А поредевший строй воробьёв пополнялся новыми охотниками за утеплителем. Пускай меня обвинят в предвзятости ученые орнитологи, но я, связав эти две картинки воедино,

решила, что в Сибири не только люди и животные готовятся к превратностям суровой зимы, но и вездесущие воробьи тоже пытаются устроить себе «зимние квартиры». Может, это и не так, но тогда зачем им этот пух? Я долго ещё наблюдала за воробьиными играми и недовольством нашего щенка, когда он замечал такое воровство. Но внимание его быстро рассеивалось, он отвлекался на проезжавшие автомобили, проходивших вдоль забора людей, и «жидрики» продолжали то ли свою игру, то ли серьёзную и достаточно раннюю подготовку к зиме и при этом каждый удачный подлёт своего сотоварища сопровождали суетливыми стрекотаниями. Этой воробьиной суете, казалось, не будет конца и я, не дождавшись окончания странной игры, в раздумьях отправилась наслаждаться состоянием выздоровления, настроившись на оптимистичный лад.

Но отчего-то мысль, куда же я всегда спешу, стараясь везде успеть, не покидала. Может, от нежелания сидеть дома, раз муж, выйдя в пятьдесят пять лет на законную пенсию «по горячему стажу», так удачно хозяйствует и без меня справляется со всеми домашними и дворовыми работами? Может, от вечной привычки «закрывать внутреннее недовольство собой, комплексы и какую-то неудовлетворённость в жизни» загруженностью на работах и неосознанную боязнь потерять эту «заплатку»? Ведь чем старше становлюсь, тем больше хочется делать на стороне, а не дома. Так и лечу пока, как оглашенная, по жизни, будто впереди сто лет ещё...

ГОРОД БЕЛЫХ РОМАШЕК

Наш двор уютный и красивый. Детская площадка с крытой песочницей. Крыша песочницы - прозрачный оранжевый пластик. Ребятишки в песочнице, как индейцы краснокожие. Качели, качалки, горки - полный комплект и добротные диванчики для пожилых людей. А клумбы, цветники - загляденье!

На одном из диванчиков сидит женщина. Старенькая, седая, но со вкусом и аккуратно одета. К ней подбежала девочка десяти - двенадцати лет с букетиком белых ромашек в руке.

- Бабушка, здравствуй! – довольно громко поздоровалась она и протянула букетик бабушке.

- Здравствуй, шалунья! Уж не на клумбе ли нарвала цветов?

- Нет! На поляне. Их там много!

Бабушка вдохнула аромат букетика, отвела в сторону руку и, любясь издали, проговорила:

- Люблю ромашки. Простенький цветочек, но какая-то волшебная сила заставляет остановить взгляд на это маленькое лучистое создание. Я ещё девчонкой была, мы любили плести венки из ромашек. Надевали венки на голову и, бывало, весь вечер не снимали. Даже танцевали в венках. Красиво! А когда повзрослели, гадали на цветке: «Любит-не любит!»

- Как это, бабушка?- перебила внучка.

- Цветки ромашки, - продолжила рассказ бабушка, - имеют разное количество лепестков: двадцать, двадцать один, двадцать два и двадцать три. Если нечётное количество лепестков, то в результате обязательно получишь, «Любит!».

Если чётное, то «Не любит!». Цветки для гадания срывали с закрытыми глазами и не подглядывали, без выбора. При гадании отрывали лепестки и приговаривали одному «Любит!», другому «Не любит!». Никакого обмана или подтасовки. Всё делалось честно. Смотри, как это делается, - Бабушка выбрала из букета самый крупный цветок и начала гадать, с искренней радостью приговаривая: «Любит!», «Не любит!». Оторвав последний лепесток, воскликнула: «Любит!»!

Внучка с неподдельным интересом смотрела и слушала бабушку. Выбрала себе цветок и молча стала гадать, отрывая лепестки. Что загадала эта десятилетняя девочка, никто не знает, но как приятно видеть, что старинная русская забава так просто и интересно передаётся молодому поколению.

НА СПЛАВЕ

Быль

У нас с женой семь внуков. Сейчас они уже взрослые, а когда подрастали, учились в школе, частенько прибегали втроём, иногда и четверо к бабушке с дедом. Приходилось поворачиваться. Бабушка готовила угощение, что-нибудь по старинным крестьянским рецептам, а деду нужно было что-то такое рассказать, особенно мальчишкам, чего не увидишь даже по телевидению. Как-то перед Днём Победы пришли внучата поздравить с наступающим праздником, и внук Миша, он более любознательный, задал такой вопрос:

- Деда, вы с бабушкой ветераны Великой Отечественной войны. Но вы же не воевали, были ещё детьми?

- Миша, мы были ещё несовершеннолетними, но работали и за работу в годы войны нам присвоили высокое зва-

ние «Ветеран Великой Отечественной войны». Сегодня расскажу вам только об одном происшествии.

Шла Великая Отечественная война. Мне уже 14 лет. Все подростки работали наравне со взрослыми. Нас не считали детьми и посылали трудиться туда, где нужны рабочие руки. Наше село старинное, с царских времён прииск. Добывали рассыпное золото. Добыче этого металла в годы войны придавали огромное значение. С союзниками за оружие расчёт только золотом. Союзники - США и Англия. В селе, несмотря на трудности и нехватку рабочих рук, построили электростанцию. На строительство привозили какой-то сброд, «вербованных», мы их так называли. Электростанцию построили паровую, в котле жгли дрова. Дрова, тысячи кубометров которых заготавливали в тайге, сплавляли по реке от места заготовки прямо к электростанции. Сплав дров начинали после ледохода, когда уровень воды высок, но уже вошел в русло.

Нас троих: меня, Саньку Старинчикова и одного «вербованного» определили на очень опасное место, где может произойти затор. Это крутой поворот русла реки, обрывистые берега, посреди русла огромный камень полушарием торчит из воды. Прорабом была женщина. Она определяла места для постов и назначала людей.

Ранняя весна. Лес чуть-чуть распускает листву. Вода в реке ледяная. Нам с Санькой нужно круглые сутки, когда пойдёт лес, дежурить с багром в руках на этом камне. Чтобы забраться туда, нужно раздеться донага, одежду связать в тугий узел и закрепить на голове. Затем по ближайшему перекату, опираясь на багор, перебраться на другой берег. Только с того берега можно добраться до камня, где самое мелкое место. По шею! Когда заберёшься на камень, нужно надеть сухую одежду, а на ноги валенки, которыми снабдила нас прораб. Когда пойдёт интенсивно лес, нужно сутки

напролёт работать багром, чтобы не было затора. Такое задание. «Вербованный», а он человек в возрасте и похож на Тараса Бульбу (каким мы его представляли по рисунку в учебнике литературы), вероятнее всего, был назначен для контроля за мной и Санькой. Практически он оказался безответственным человеком и лодырем - обжорой. До прихода первых поленьев по реке мы заготовили дров для костра на несколько дней. Нам на троих выдали на сутки продукты: одну булку чёрного хлеба два с половиной килограмма весом, полкилограмма пшённой крупы и соли. Мы с Санькой, уже имея опыт таких работ, прихватили котелок, чайник, кружки, всё железное и ведро картошки. Благоустроиваясь, заготовили дрова, сухую траву, развели костёр. В золу костра, чтобы перекусить, положили по три картошины на брата, считая «вербованного». Пока мы трудились «вербованный» сидел у костра, упираясь брюхом в скрещенные калачом ноги, и ничего не делал. Мы с Санькой закончили подготовительные работы и решили перекусить. Хватились, а хлеб, два с половиной килограмма, «вербованный» съел, запивая горячим чаем из чайника. Успели картошку вытащить из костра. Ему, конечно, не дали. Нам до того стал неприятен этот «вербованный», что договорились с Санькой просить прораба убрать его от нас, этого обжору. А ещё он нас удивил и окончательно потерял доверие. Рядом, на большой берёзе, на высоте не менее семи метров, гнездо серой вороны. В гнезде шесть воронят. Родители целый день их кормят. Воронята кричат скрипучим голосом, когда подлетает кто-либо из родителей. «Вербованный» увидел гнездо с воронятами и попросил Саньку слазить на берёзу и достать воронят для него. Мы переглянулись с Санькой и, ради любопытства, что он будет с ними делать, Санька полез. Разорить гнездо ворон почему-то в селе не считалось грехом. Положив воронят в шапку, а шапку в зубы, Санька

спустился и поднёс воронят к костру. Воронята голые без перьев, немного в пуху, пузатые, глаза выпучены. На вид неприятные, орут скрипучим голосом. Пока Санька держал их в шапке, они полшапки нагадили. «Вербованный» расправил усы и, радостно улыбаясь, разгрёб угли костра и всех шестерых живыми загрёб в угли. Нам с Санькой и противно, и воронят жалко, и любопытно. Через некоторое время наш «Бульба» разгрёб угли костра и, взяв за клюв испечённого воронёнка, обдул с него золу и, приподняв, забросил в рот прямо с кишками, перекусил шейку, начал жевать, а голову отбросил. Проглотив первого, расправил усы и с такой довольной улыбкой проговорил: «Птушку зъив, як сотку выпил!»

Нам с Санькой до того он стал неприятный и противный, мы даже костёр другой развели, метрах в пяти от него.

Женщина - прораб, как по заказу, проходила мимо и увидела, как наш «вербованный» последнего воронёнка разжёвывал. Она отвернулась, её стошнило. Лицо этой уже немолодой женщины посерело. Мы попросили, чтобы его от нас убрали, без него обойдёмся. Она что-то строго ему сказала. Он вскочил, забрал свой мешок и рысью, переваливаясь с боку на бок, помчался по тропинке вдоль реки.

Через пару часов к нам с Санькой пришёл мужичок. Ростом невелик, в солдатской форме, одна нога ниже колена деревянная. Поздоровался, вещмешок, шинель положил на сухую траву, что мы припасли, и вынул из-за пояса топорик. Мы с Санькой удивились и обрадовались, подумав: раз человек с инструментом – значит, с умом. И правда. Звали его Лука. Он после госпиталя в Новосибирске не поехал в Воронеж: ему сообщили, что семья его погибла при бомбёжке. Он остался в Сибири и согласился работать на сплаве, так как у него не было заводской специальности. Это он нам рассказал при первом чаепитии. Одновременно расспро-

сил, чем мы должны заниматься, когда пойдёт лес по воде. Мы ему рассказали. Он попросил меня раздеться, пройти голым с узлом одежды на голове через речку и забраться на камень. Я всё это проделал и не очень замёрз: день был полетнему тёплый. Когда я вернулся к костру, он сказал, что так не пойдёт дело. Лес по реке будет идти минимум неделю и бродить, особенно ночью, среди плывущих поленьев, чистая смерть.

- Сидите, грейтесь у костра, кашу сварите. Я скоро приду, - сказал и ушёл.

Через полчаса слышим шум в ближайшем колке и видим: идёт наш Лука и тащит две осиновых жерди, метров по семь каждая. Мы с Санькой побежали помогать. Лука - мужик опытный, смекалистый, быстро сообразил и придумал сделать мостик из жердей с берега на камень. Топором он владел мастерски. Без единого гвоздя, одним топором сделал мостик в виде лестницы. Пришлось искупаться, но мост перебросили на камень. Перебирались по нему на четвереньках, уж очень жидкий был и качался над ревущей быстринной реки. Свалиться в водяную пучину было запросто. Женщина – прораб, увидев наше изобретение, так обрадованно улыбалась и пожимала руку Луке. На другой день прислала дополнительное питание. Аж две булочки хлеба!

Мы с Санькой так полюбили Луку, как отца родного. Уж очень добрый был человек, интересный рассказчик, понимал нас, пацанов, с полуслова, зря не дёргал во время работы. Сплав мы провели на «отлично», затора не допустили. По окончании сплава нас с Санькой премировали. Саньку - чулками девичьими, а меня - голубыми сатиновыми трусами. Жаль, что трусы оказались маловаты, пришлось отдать младшему брату. Та радость, что наш труд признали и высоко оценили, до сих пор не покидает меня, хотя про-

шло 70 лет. Ну как, ребята, мои рассказы? Интересно или нет?

- Дедушка, как-то не верится, что такое было. Кино смотришь, убивают, голодают люди, раненых спасают. Это в кино. А вот так от живого человека услышать, от участника тех событий, не то что интересно, а как-то заманчиво, и вроде сам побывал на этом камне среди бушующей воды. Почему бы в школе, в классе, не рассказать о том далёком военном детстве? – сказал Миша.

Миша, я рассказал только об одном эпизоде, о встрече подростков с двумя взрослыми мужиками во время трудной и ответственной работы. Эти два взрослых человека имели колоссальное различие. Один - благородный, трудящийся человек, другой похож на животное. Мы такое получили воспитание на практике, что в будущем смело определяли «сорт» общающегося с тобой человека.

РАННИЙ ВЫСТРЕЛ

Тимка родился в стойбище. Мать ненка, отец русский. Так получилось, что недалеко от стойбища стояла экспедиция, и работали там одни мужики. Однажды пошла Марфа, будущая мать Тимки, в тундру. Недалеко от яранги встретила мужчину, испугалась. Она поняла – чужой. А он, увидев Марфу, удивился: ненка, а такая красавица и спросил:

- Кто ты? Как тебя звать?

- Марфа, - сказала она. - И чо тебе?

- Красивая ты. Не бойся, я тебе ничего плохого не сделаю.

Как раз была весна, всю кричали кулики, тундра расцветала. Его звали Андрей. Он был очень красивый, чисто одет... И стала девушка на то место бегать, чтобы встретить его вновь. Неграмотная, она говорить по-русски научилась от ссыльной женщины. Жила с отцом, матерью, братьями и сёстрами. Марфа рано стала выделывать оленье шкуры, шить унтайки, вышивать их бисером. Всё это отец возил и сдавал в городской кооператив.

В тот день Андрей, как всегда, ждал Марфу у реки.

- Знаешь что, Марфуша, я увезу тебя отсюда. Он обнял её и стал целовать. Девушка подалась и тоже обняла мужчину. Ей шёл 18-й год. Сердечко её трепетало, и она влюбилась. А он хоть и сказал, что увезёт её, сам об этом даже не задумывался.

Кто-то сказал отцу, что Марфа гуляет с русским. Отец возмутился:

- Табе чо, не хватает своих парней? Брось и не ходи к нему больше.

Но отец был нестрогий, дочь его не боялась и продолжала бегать к любимому.

Осенью экспедиция закончилась, отряд, где работал Андрей, снялся и ушёл. Марфа прибежала на опустевшую стоянку, упала в траву и закричала так, что под грудью у нее что-то стукнуло, и хоть девушка была ещё молоденькая, поняла, что это ребёнок. Она прибежала домой, упала к ногам матери и горько-горько заплакала. Мать обняла дочь - она уже давно догадывалась, что дочь беременная.

В конце февраля родился мальчик, назвали его Тимофеем. Марфа видела, что сын очень похож на Андрея, радовалась и плакала, и любила его без памяти. На Андрея не сердилась. Пока сынок был маленьким, рос в стойбище, его с малого возраста приучали к труду. В семь лет увезли в интернат. Когда он окончил 7 классов, приехал за ним дед и забрал домой. Больше Тима уже не учился, а через два года забрал мать и уехал в город. Они поселились у земляков в балке - на Севере так называют домик на полозьях. Потом Тимофей с Марфой построили свой балок и стали жить. Дед привозил им камус - мех с голени северного оленя, выделанные шкуры, мясо и рыбу, а расшитые женщинами стойбища унтайки сдавал в кооператив. Балки стояли по ручью, в них жил разный народ, в основном, пьющий. Жили там и бывшие заключённые, которые освободились по амнистии 1953 года. Уехать им было некуда, так они и остались на Севере. Тимке бы учиться, он был умный парень, но мать не настояла, а сам он об этом не думал.

Когда я увидела Тимку первый раз, красивый парень даже не был похож на метиса. Он работал сторожем в отделе охраны. Высокий, стройный красавец был тихим, скромным, ни с кем не дружил, не пил и во всем помогал матери. Ходил на охоту, добывал куропаток. По соседству, через балок, жила женщина лет сорока пяти, звали ее Катерина.

Красивая, избалованная мужчинами женщина жила шикарно. В тридцать с хвостиком уже заведовала гастроном в городе П. Муж ее был начальником ОРСа. Мужики не давали прохода его жене-красавице. Она заводила романы, не задумываясь, тратила казенные деньги. Когда приходила ревизия, перекрывала, а потом снова брала. Кормила любовников. Шампанское, коньяк лились рекой. Одета была с иголочки. Носила все самое-самое. Характер у Кати был хамский. Любого отчитает, унизит, и работники ее побаивались. Но всему приходит конец. Ведь слухи давно уже ходили по поселку. Однажды муж Катерины рассорился с каким-то чиновником, тот рассердился и послал в магазин ревизоров. В итоге – большая растрата, которую погасить им не дали. И загремела Катерина в лагерь, северные дали, от хорошей жизни - на нары.

В лагере приходилось отстаивать свою территорию. Было все: драки и подлости. Но Катерина умела за себя постоять. Окружила себя подхалимами, которые за нее работали. Муж ей написал, что женился. Детей у них не было. Потому-то она и осталась на обочине. Женщина не горевала: принимала женатых и неженатых. Пила, а напиваясь, кричала:

- Кто вы против меня? Мразы!

Однажды она увидела Тимку. Обалдев от его красоты, сказала:

- Совращу! Не я буду! - Позвала парня к себе. Причипурилась, прибрала в доме и...Тимка пришел.

- Тебя Тимофеем звать?- спросила она.

- Да,- сказал парень.

- Наладь стул, пожалуйста.

Со стулом Тимка справился быстро. Она поставила на стол бутылку водки и сказала:

- Давай за знакомство!

- Я не пью,- ответил парень.

- Так ты же мужик! А мужику на Севере без водки хана.

Тимофей выпил водки. Пошла плохо, но по телу разлилось тепло, и так стало хорошо, что Тимка засмеялся.

- Ну, вот и славно! - с этими словами Катерина подошла к нему близко, впиалась ему в губы так, что у парня захватило дух. Впервые он переспал с женщиной, да еще на много старше себя. Ему это понравилось. Он стал носить ей рыбу, мясо. Мать, узнав, охнула:

- Ты что делаешь, сынок?

Но Тимка не слушал мать. Он ошалел от этой женщины. Она обучила его всяким охальным штучкам, и парень парил. Он такой был счастливый, влюбившись по уши. Ему казалось, что лучше ее нет на всем свете. Он ходил на работу и не мог дождаться, когда закончится смена.

- Тима, ты живешь с женщиной намного старше себя, да еще и с гулящей? - однажды спросила его бригадир.

- Она нестарая, а красивая, - ответил он и пулей выскочил из конторы.

На другое утро Тимофей пошел на работу. А бригадир сказала:

- Тима, у тебя есть выходной. Пойдешь?

Парень быстро согласился и побежал домой. Забежал к матери, что-то взял для любимой и пошел к Катьке. Дверь у нее была не закрыта. Он зашел в темную комнату. Включил свет. И увидел свою любовь в объятьях какого-то мужика. Кровь закипела в жилах парня. Он выскочил. Забежал домой, схватил ружье. Заряжая трясущимися руками, заскочил в дом Катьки и сказал:

- Сука ты! - И выстрелил дуплетом меж глаз. На выстрел прибежали люди. Тимка стоял бледный, по его щекам текли слезы. Выскочила Марфа:

- Что с тобой, сынок?

Она поняла: случилось что-то страшное. Тимку арестовали. Он долго сидел в КПЗ. Мать к нему не пускали. Катку похоронили как бесхозную – отгуляла баба свое.

Как-то Марфа шла по улице и увидела Андрея, свою первую и последнюю любовь. Хотела пройти мимо, но он окликнул:

- Марфуша! Ты ли это?

- Я. Я. А сын наш в тюрьме.

- Какой сын?

- Наш с тобой.

Они сели на какие-то бревна, и она все ему рассказала. Долго они плакали вместе, вспоминали, как все нескладно у них получилось. Андрей корил себя, а Марфа плакала и говорила:

- Тимка наш там погибнет. Ведь он у меня очень спокойный, никогда никого не обижал, был тихий, смирный, а вот как все случилось.

Я много позже узнала об этом. От большой любви родился этот мальчишка, неужели для того, чтобы так сгинуть?

ВСТРЕЧА С ВОЛКАМИ

Баю, баюшки, баю,
Не ложися на краю,
Придет серенький волчок
И ухватит за бочок.
(Колыбельная песенка)

- Бабушка, а ты видела волка? – спрашивает маленький мой правнучек Алеша, слушая песенку про серого волка.

- Видела, Алёшенька, и не раз!

- Расскажи, - просит он меня, отодвигаясь к стеночке...

Первая встреча

Шел мне пятнадцатый год. Жили мы в Лаврентьевке. Закончилась война. Первая послевоенная зима была голодной и холодной. Одна радость в поселке – возвращались фронтовики...

Из нашей семьи никто не вернулся. Погиб на войне, защищая Ленинград, мой папа, старший брат Ванюшка пропал без вести под Сталинградом, младший брат Сашка – под городом Ровно. Не вернулся и муж моей сестры Настеньки. Осталось у нее на руках трое маленьких детей. А жить – то надо!

Дал нам колхоз корову, как семье погибших. Была она нашей кормилицей и работницей. В конце зимы закончилось сено. Надо было ехать за ним в лес километров семь от поселка, где стояли с осени шушаки – небольшие стожки. А ехать – то некому. Мама и сестра дни и ночи в колхозе работали. Я ухаживала за колхозными овцами. В школу не ходила – работать в колхозе было некому.

Пошла мама к председателю колхоза, отпросила меня и Володю, моего троюродного брата, съездить на быках за сеном. Володе было лет восемнадцать. Он уже три года работал в колхозе и был в семье за старшего. Отец и братья его, как и у нас, погибли на войне. День выдался ясный и морозный. По дороге, занесенной снегом, быки шли с трудом. Володя их тащил впереди за налыгач – веревку, а я подгоняла сзади. Еле – еле дошли мы пешком до леса, а стожков – то и не видно, замело совсем. Стали мы откидывать снег, чистить быкам дорожку к сену... Много пришлось перекидать снега, а когда повели быков, то они уперлись и ни в какую не идут с большой дороги на нашу дорожку. Тащили мы их, тащили – они ни с места. Уж и сил – то нет! Володя повалился на сани отдохнуть, а я побежала за этот стожок по нужде. Здесь намело большой сугроб, а ближе к сену выдуло снег ветром. Туда я и полезла через сугроб – в затишек. Поднялась на макушку сугроба и вижу: лежит под сеном большая белая собака на животе. Лапы выставила вперед, смотрит на меня, а глаза горят огнями. Тут до меня и дошло – волк!

Задом, задом сползла я с сугроба да бегом на дорогу к Володе с быками.

- Володя, - говорю, - за скирдой волк!

- Вот почему быки туда не идут, - догадался Володя, - они его чуют.

Повернули мы быков да бегом вместе с ними. Их и подгонять не надо было. Только возвращаться без сена нельзя! Отъехали дальше, на другой конец покоса, нашли шушак, опять откидали снег. Быки спокойно подошли к сену. Нагрузили мы полный воз, чтобы хватило докормить коровушку – кормилицу и пошли в поселок, оглядываясь на лес. Домой пришли затемно, уставшие, голодные, замерзшие да напуганные. Рассказали все старшим. Мама заплакала: « Про-

клятая война!» Накормила нас, отогрела да на работу скорей – сторожить колхозных овец.

- Вот такой была моя первая встреча с волками, Алёшенька, не бросился он на сирот, а может, был не голодный...

- Бабушка, ты моя любимая! Хорошо, что тебя волк не съел! Спой мне лучше песенку про котика, - говорит, обнимая меня, Алёша.

Котя, Котенька, Коток,
Котя - серенький лобок,
Приди, Котя, ночевать,
Моего внучка качать!

Спит мой правнучек, а память возвращает меня в давно прожитые годы, в дорогие и родные места, где прошла уже почти вся моя жизнь. И где еще были встречи с волками...

Вторая встреча

Было это где – то в 1958 году, летом. В лаврентьевском лесу наспело в этот год много вишни. Созревала она во второй половине июля. Весь лес был в вишарнике, рви, сколько душе угодно.

Жили мы с мужем Алёшей в целинном совхозе Чернышевском, который строили с первого колышка. Было у нас уже двое деток: Наташа и Сережа. Совхоз основали на нашей родной земле, километров 25 от Лаврентьевки. Алёша работал шофером, как и его товарищи, возил грузы, стройматериалы из города Кустаная и с железнодорожной станции Аман – Карагай. Дорога проходила через Лаврентьевку. Бывало, что завозили шофера своих жен, моих подружек, в лес за вишней, а на обратном пути забирали с полными ведрами ягод.

В один из жарких июльских дней упросили мы своих мужей завезти нас в лес. Оставили они нас в вишневом садке,

договорились, когда и где встретят. Вишни было много, да уже кто – то побывал здесь раньше. Не любила я рвать по оборышам, все хотела нетронутый садок найти. Подружки мои остались, а я пошла искать свои заповедные места. Лес знала очень хорошо, заблудиться не боялась. В войну, еще детьми, исходили этот лес вдоль и поперек. Водила нас сюда моя тетя Горпина.

Солнышко еще не встало, а мы торопимся, идем, песни поем, чтобы легче было идти. А в лесу благодать: кукушки кукуют, иволга поет, куропатки из – под ног вылетают, бывало, и дикие козы выскакивали прямо на нас, и лоси выходили из чащи. До десяти часов старались нарвать по ведру да идти скорей домой – боялись попасть на глаза объездчику, он на лошади утром объезжал лес. Попадешься к нему – пощады не жди: ягоды отберет да заставит полоть его огород, а то еще хуже – плеткой нахлещет. Потому и торопились и не разговаривали в лесу, прятались от него. Однажды он нас поймал. Забрал вишни, забрал с коровы ярмо (мы приехали в тот раз на корове). Пришлось на себе тащить телегу до самого дома со слезами. Встретил горе – ягодников муж тети Горпины – дядя Сидор. А был он полным Георгиевским кавалером Первой Мировой войны. Сел он на коня и поскакал к объездчику. Защитил сирот – наказал объездчика плеткой и ярмо забрал... Да, много чего помнит этот лес!

... А вот и нетронутый вишневый садочек на полянке. Вишни на солнышке отсвечивают искорками. Рву горстями, а сок по рукам бежит. Смотрю, какие – то белые кости раскиданы. Наверное, волки пировали когда – то здесь. Подняла голову, а впереди меня шагах в десяти сидит серый и смотрит в мою сторону. Я, не разворачиваясь, тихо пчусь с полянки за деревья. Лишь потом повернулась и, не торопясь пошла, а потом побежала. Запыхавшись, дошла до

своих подружек – они меня поджидали на старом месте. Рассказала про нетронутый садок, который волк охранял. Девчата мои поохали да поохали, но желающих идти к тем ягодкам больше не нашлось. А когда выходили из леса в условленное место, нашли еще полянку и нарвали вишни полные ведра. Шофера уже ждали ягодниц. Пока обедали под березками, я рассказала про встречу с волком. Верили и не верили друзья – товарищи моему рассказу, но это было...

А Алёша мой поверил сразу, сказал, что больше меня одну в лес не отпустит.

Третья встреча

К весне 1959 года мы ждали прибавления в семье. Я была беременна на последнем месяце Леночкой. Март в Казахстане редко бывает теплым. Метели да бураны и в этом году замели поселок до самых крыш. Ночи темные, холодные да ветреные. Оголодавшие за зиму волки потеряли страх и стали заходить в поселок. Ночью слышался их вой и лай собак, а утром, бывало, находили жители дыры в крышах сараев да клочья собачьей шерсти на огородах вперемешку с кровавыми следами разбойничьего пира волков.

В этот мартовский вечер Алёша поздно вернулся с рейса. Уставший, рассказывал за ужином, что «доехали на лопате». Набуксовались, перекидали горы снега, в дороге задержались. Детишки уже спали с бабушкой Васеной, моей мамой, лег и он, а я начала читать вслух роман – газету. Телевизоров еще не было в поселке, и мы часто читали по вечерам вслух всей семьей. Алёшу сморил сон, а я зачиталась и вдруг слышу: лают собаки по – особому – на волков. Залая отчаянно и наш Лютик – маленький, ласковый собачонок, рыжий любимец детей. Потом лай перешел в визг, приблизился к входным дверям. Я бросила книгу, выскочи-

ла в сени, вытащила из дверей засов. И не успела открыть дверь, как мне под ноги свалился рычащий и визжащий клубок. В руках у меня была палка – засов, и я изо всех сил ударила по серой спине. Волк бросил собаку и бежать. Я бросила ему вслед засов и закричала:

- Алёша, волк!

В сени выскочил Алёша, мама, из комнаты выглядывали дети. А Лютик, помятый и испуганный, жался к моим ногам и дрожал. Алёша вышел во двор, собачонок, чувствуя поддержку, выскочил за ним и стал громко лаять. От озера слышался протяжный волчий вой. Двор был пуст, в сарае мычала корова, гоготали гуси. Мы стали звать Лютика, он долго не мог успокоиться и все лаял, бегал по двору, пока Алёша проверял хозяйство. Еле заманили его в сени, перевязали раны от волчьих зубов на голове и шее. Лютика хвалили и жалели, а меня ругали за неосмотрительность. Ведь беременная была, а бросилась с палкой на волка! А потом не раз смеялись, вспоминая этот случай. Вот и «серенький волчок» получил по хвосту палкой. А Алёша шутил:

- Женя, волки тебя любят, раз не трогают!

Любят – не любят, а три раза я могла попасться на зуб волкам. Что меня спасло, я и не знаю. А колыбельную песенку про волка больше внукам не пою.

- Ужастик, а не песенка, - так говорит мой правнучек Алёшенька, названный в честь своего прадеда.

ВСЯ ЖИЗНЬ В КОШЕЛЬКЕ

Маргарита Эдуардовна во всём любила порядок. Дома у неё все вещи находились строго на своём месте и она в любой момент знала – что, сколько и где.

Школа, директором которой уже больше десяти лет была Маргарита Эдуардовна, считалась в городе образцово-показательной. Руководитель она была строгий, но справедливый, за что уважали её и педагоги, и ученики. Никому и в голову не приходило даже за глаза назвать её «Марго», (как непременно называли бы другого учителя), а только так : Маргарита Эдуардовна.

Как-то поехала Маргарита Эдуардовна отдохнуть в пансионат на Черноморское побережье. Путёвку вручили за первое место среди школ города в смотре художественной самодеятельности. Пансионат назывался заманчиво – «Звезда побережья». Неизбалованная такими поездками, Маргарита Эдуардовна отправилась на отдых.

Конечно, «звёздного» в пансионате было по минимуму: располагался он в жилом доме, приспособленном под мини-гостиницу. Удобства – во дворе, умывальник один на жильцов пяти комнат. Толком ни помыться, ни постирать. Да ладно, всё это ерунда. Главное – море в пятистах метрах, чайки, воздух, солнце!.. Как бы там ни было, Маргарита Эдуардовна с удовольствием провела эти десять дней. В Сибири тоже есть, где отдохнуть, – столько озёр, лес, горы. Но ведь это – Чёрное море!

По пути домой решила заехать к брату: он жил недалеко от Новосибирска, около часа езды на электричке. Чтобы не везти чемоданы со своими вещами и подарками домашним, сдала их в камеру хранения, квитанцию положила в

кошелёк. Он у неё солидный и для всего отдельный кармашек – для мелочи, для купюр, для бумажек. Там же и билет от Новосибирска до дома. Положила кошелёк в сумочку. Встала в очередь взять билет до Инской. Впереди семейная пара. Они, видно, с юга едут, загоревшие, корзины с фруктами везут. А за ней двое парней. Эти, скорее всего, студенты – по разговору поняла. Да и одеты прилично, в общем, хорошие ребята.

Очередь продвинулась к кассе. Маргарита Эдуардовна открыла сумочку и – сердце оборвалось : нет кошелька! Судорожно перебирала содержимое сумочки. Вот кармашек на молнии, куда она ВСЕГДА клала кошелёк. Пусто! Одно отделение посмотрела, другое – таблетки, платочек носовой, паспорт, конверт с фотографиями. Нет кошелька!

Она обернулась к парням и жалобно, растерянно произнесла:

- Кошелёк пропал...

- Мы не трогали вашу сумочку, можете проверить нас, - парни тоже растеряны, смущены.

- Да я не говорю на вас. Но куда-то он делся...

- Что случилось? - стоявшие впереди в очереди обернулись.

- Кошелёк из сумочки пропал, - упавшим голосом произнесла Маргарита Эдуардовна.

Сочувственные взгляды, ахи-охи – в зале ожидания все оказались неравнодушными.

- Что же я буду делать? Ведь вся моя жизнь в кошельке! – воскликнула расстроенная и растроганная участием Маргарита Эдуардовна.

Так оно прозвучало комично - «вся жизнь в кошельке», что люди невольно рассмеялись. Конечно, все поняли, что имела в виду несчастная женщина: и деньги, и билет, и квитанция – да, вся жизнь! И смеялись не злорадно, а по-доброму.

Присела на скамью Маргарита Эдуардовна, опустила голову и заплакала от растерянности – что делать? Даже на телеграмму брату нет денег. Раскрытая сумочка стояла у её ног.

И вдруг! – она слышит звон монеток, шуршание купюр. Люди подходили и бросали ей в сумочку деньги! Кто сколько мог...

Она так растерялась, что ничего не могла сказать. В сознании мелькнуло: «Боже мой! Директор школы собирает милостыню!!!»

Схватила сумочку:

- Люди добрые! Спасибо! Не нужно больше – мне на телеграмму хватит.

Но к ней подходили и, по-доброму, участливо улыбаясь, протягивали деньги. А она стояла и плакала.

Потом как-то сразу внимание от неё отвлеклось – объявили прибытие поезда. Никто на неё не смотрел, и Маргарита Эдуардовна присела, пересчитала деньги. Их хватит не только к брату доехать, но и на билет домой. Спасибо, люди добрые!

Она опять стала переключать содержимое сумочки и вдруг – видит свой кошелёк! Открыла – всё на месте: деньги, билет, квитанция...

В суматохе она положила его не в то отделение сумочки, куда обычно, а в другой кармашек. А искала именно там, где он ДОЛЖЕН находиться. Кровь прихлынула к лицу – ей стало так стыдно!

- Люди! Я нашла свой кошелёк! – громко крикнула она на весь зал. – Нашла! Пожалуйста, заберите свои деньги, кто сколько мне дал.

Пассажиры смотрели на неё, улыбались, но за деньгами никто не подошёл. Ни один человек! Тогда Маргарита Эдуардовна подошла к кассе и громко сказала кассирше:

- Возьмите, пожалуйста, эти деньги. Пусть лежат, вдруг кому-нибудь срочно понадобятся, вы и отдадите.

Слышавшие это люди дружно ей зааплодировали...

И поехала Маргарита Эдуардовна с чистой совестью. Ни у неё, ни у кого из людей, находившихся в зале ожидания, и мысли не возникло, что кассирша просто заберёт деньги себе...

Ведь это случилось в добрые, немного наивные семидесятые годы прошлого века...

НЕ ЗА ГОРШОЧЕК МАСЛА

Это было в первые послевоенные годы в Белоруссии.

Митька – истинный «дитя природы». Родители – простые, очень пожилые люди, жили в лесу на заимке. Старшие братья и сёстры обосновались в городе, кто-то уехал далеко на Север на заработки да там и остался. А Митька с родителями. По четвёртый класс учился в соседней деревне Поповке, каждое утро отмеряя почти пять километров туда и обратно. Школа маленькая, всего-то 26 ребятишек разновозрастных. Все учились в одно время.

За Митьку родители не переживали – что пацану эти километры? Вырос в лесу, каждую тропку знает. Учился средне, особо не старался, да и не требовали с него пятёрок. «Всё одно – анжинером не станет...» - говорил отец.

А в пятый класс определили в городскую школу.

- Жить у Дашки будешь, а на выходные домой. Скучать буду, - смахнула слезу мать, что для Митьки так диковинно было. Он и не думал, что из-за него мать плакать может.

- Ну чо ты, мамка, - неловко приобняв её, буркнул Митька.

В свои тринадцать лет он был уже рослым, крепко сбитым пареньком. В школу пошёл в девять лет, поздно.

Мать уткнулась в его плечо и засопела, а отец только сильнее задымил самокруткой.

Шёл в школу новый ученик с настроением: сестра купила ему настоящий ПОРФЕЛЬ, в который он, кроме учебников, сунул ещё и рогатку. «Ежели кто забижать надумает – стрельну!»

Школа Митьке настоящим дворцом показалась: трёхэтажная, красивая, не то, что изба в Поповке... Он первое время ходил по длинным, светлым коридорам, осматриваясь, дивясь всему: надо же – и в уборную не нужно на улицу идти... По лестничным пролётам вышагивал важно. Но скоро освоился: носился вместе с другими мальчишками на перемене, лихо съезжал по перилам, на третий день разбил стекло в коридоре – показывал, как рогатка стреляет. Дисциплины для него не существовало, мог среди урока встать и выйти.

- Станкевич, вернись! – на крик учительницы он, не оборачиваясь, буркнет:

- А мне неинтересно!

Сколько раз приходилось старшей сестре Даше улаживать конфликты. Дома она ему с укором говорила:

- Это тебе, Митька, не заимка! Нужно значит нужно, и никакого своевольтва!

Постепенно привык Митька к дисциплине, но учился всё равно слабо.

Как-то после уроков решил по городу побродить. Ходил по улицам да переулкам и заблудился. Уже вечер, а он не знает, куда идти. Даша в милицию сходила – потерялся брат. Милиционер и привёз Митьку домой.

- Я тут с ума схожу! – набросилась Даша на него.

- А я шо? Думаю – похожу, посмотрю, шо за город такой? А то я только и знаю школу да дом. А тут все хаты на один манер. В лесу-то хорошо, там я не заблужусь, знаю, где ка-

кое дерево, где какая тропинка. А тут!.. Настроили одинаковых хат, одинаковых магазинов, - не понравился город Митьке.

Заканчивался учебный год, и учительница Антонина Афанасьевна стала готовить класс к экзаменам по русскому языку. По всем предметам у Митьки крепкие тройки, а вот с русским у него нелады. Приехал к родителям на заимку.

- Батька, училка говорит – акзаменты надо сдавать. А как я их сдам – не понимаю ничего.

- Акзаменты, акзаменты... Знаем мы тыя акзаменты! Не бойсь, отец кое-что в жизни понимает. Ляксандра, ташши горшечек масла. Хай дасть учителке, вот тебе и акзаменты...

После выходных явился Митька в школу, а в торбе – укутанный в чистую тряпицу горшочек с маслом. Когда закончился урок, все вышли из класса. Митька подошёл к учительнице и, протянув ей горшочек, говорит:

- Антонина Афанасьевна, вот возьмите маслица домашнего.

Та удивлённо взглянула на ученика, а он, глядя на неё своими наивными глазами, произнёс:

- Берите, берите! А то акзамент скоро, а я ничего не знаю... А так вы мне троечку поставите...

- Ты что, Митя?! – Антонина Афанасьевна глянула на него печальными, глубоко запавшими глазами и вдруг заплакала.

Митька растерялся: чем он обидел учительницу, что не так сделал? Стоял, держа в руках этот злополучный горшочек, смотрел на трясущиеся, худенькие плечи учительницы. И вдруг он понял.

- Антонина Афанасьевна, возьмите просто так. Не надо мне тройку ставить... А вы возьмите... у вас же сынок болеет... А у нас много масла, - и, сунув в руки растерянной учительницы горшочек с маслом, выскочил на улицу.

На душе у него было смутно. Наивное, бесхитростное сердечко не осознавало благородства его поступка. Но он точно знал, что не тройка, купленная за масло, для него важна. Он понял слёзы учительницы... Митька почувствовал себя взрослым и решил, что честно заработает себе тройку.

Всё время до экзаменов Митька усиленно учил правила. Сам учил. И на экзамене, уверенно отвечая на билет, гордился собой.

Когда приехал к родителям и похвалился, что сдал экзамен на четвёрку, отец, хитро улыбаясь, сказал:

- Конечно, за горшок масла хорошая оценка.

Митька вспыхнул:

- Батя, четвёрка у меня за знания, не за масло.

- А где же горшочек? – тихо спросила мать.

- А масло я просто так отдал Антонине Афанасьевне. У неё сынок болеет...

Родители только переглянулись. Вечером, когда Митька уже уснул, отец с гордостью сказал:

- Молодец Митяй! Правильный мужик растёт.

РОМАНТИКА

Сколько мне было лет? Может, четырнадцать? Папка, младший брат Серёжка и я едем в машине, гружённой пшеничной соломой, крепко стянутой с угла на угол кузова верёвкой.

Августовская ночь застаёт нас на степной дороге с пшеничного поля к дому. Где-то сбоку у горизонта поднимается жёлто-оранжевая луна, а вокруг машины непроглядная тьма, на чёрном небе яркие мохнатые звёзды.

Фары медленно высвечивают полынью по обочинам дороги. Иногда в ползущий свет фар попадают тушканчики и, ослеплённые, прыгают испуганно на задних лапках перед машиной, только длинные хвостики мелькают, пока не скроются в черноте ночи, отчаянно отпрыгнув к обочине, подальше от ползущего света и колёс машин.

Тихо, только урчит устало, на одной ноте, мотор, да шепчется, подрагивая от езды по неровной дороге, соломенная высокая скирда.

Мы лежим на самом ее верху, раскинувшись, кому как удобно. Папка опирается на воткнутые вилы, Сергей на боку, а я на спине.

- Ну, слава Богу! – говорит удовлетворённо мой папка. - Хорошо нагрузили, теперь хватит соломы на зиму. Сено есть, корма заготовим, можно и зимовать – нестрашно.

Мы с Серёгой «нукаем» в ответ и замолкаем. Тёплая солома греет бока и спину, прохладный ветерок обдувает сверху.

Я смотрю в небо, нахожу среди звёзд Большую Медведицу, Полярную звезду...

Кажется, что ничего нет вокруг: ни дороги, ни тушканчиков, а мы в каком-то тёплом, мягком, бескрайнем пространстве плывём под звёздами, смотрим на них, а они на нас.

- Ну что, Наташа? Романтика? – вдруг с затаённой усмешкой, вопросительно-смущённо произносит папка.

Я даже не сообразила сразу, что ответить, не очень-то понимая, о чём меня спрашивают, что за романтика такая?

То ли то, что соломы нагроузили под самую завязку, то ли, что от нелёгкой работы гудят руки и ноги, ноет спина или ещё что?

- А что такое романтика? – спросила растерянно.

- Ну, вот это всё: звёзды, луна..., - улыбался папка в ответ, ничего не говоря о тяжёлой, только что законченной работе.

...Так я впервые услышала о «романтике» от своего работника - папки. Я не думала, что мысли его не только о корове и соломе...

Серёжка молча повернулся на спину, нашёл в небе плывущие звёздочки – сигнальные огни то ли самолёта, то ли спутника и показал нам. Так мы и плыли вместе со звёздами, огоньками и соломой. Терпкий запах полыни сменился прохладой озёрного воздуха, а тёплый запах спелой пшеницы и ещё чего-то неизведанного плыл вместе с нами в темноте к дому, где нас ждали бабушка, мама и младшая сестрёнка Леночка, которая, наверное, уже давно спала.

Романтика...

«...И ЖИЗНЬ, И СЛЁЗЫ, И ЛЮБОВЬ»

Маньку в деревне жалели. Несильно, правда. Баба она была справная, оборотистая, работающая и нежадная. Если с тобой не обругамшись в эту неделю, денег в долг даст, не откажет. На ферме работа у нее спорилась, и коровы всегда были ухоженными и какими-то веселыми, не то, что у товарок. А уж теляток выхаживала не хуже их мамаш, чуть не вылизывала. Да и понятно - своих детей Бог не послал. Вот за это и жалели. Но, бывало, намается какая соседка со своими многочисленными пострелятами да с мужиком, что от сивухи никак не очнется, еще и позавидует, что высыпается Манька всласть.

А Маньке всю жизнь не спалось. А все из-за мужа, Витьки. Уж и привыкнуть, кажется, надо, а не привыкается. Всю ночь слушает, когда калитка скрипнет. А Витька опять с пухами придет, прокрадется в сени, холодной воды ухватит ковшик, поспит часа два и на работу. Заругается на него Манька беспомощно:

– Все не угомонисси, кобель какой. Седой уж, а все нейдет, гулеванит.

В ответ, бывало, и треснет ее Витька. А чего с ней, пусто-порожней, церемониться? Сначала - то они ничего жили, любились. Свекровь все на живот Манькин заглядывала. После уж давай спрашивать сына, не больна ли чем невестка, а тот плечом жмет – вроде, здоровую брал. Потом все и ждать перестали. Сама Маня в город раза два ездила ко врачам. Сказали, все аккуратно у нее там, работать только тяжело не надо. А в деревне иначе никак.

Вот уж и по полтиннику обоим стукнуло. У Маньки зубы через один, морщинки давно на лицо вскочили, спина пло-

хо сгибаться стала, а Витька ничего, как замороженный, - худой да жилистый и все хорохорится. А как - то на работе поплохело Маньке, помутилось все у нее в глазах, и улеглась она рядом с коровами. Очнулась, когда товарки ей в лицо уже целую бутылку воды изрызгали.

- Че, Мань, в жар - то кидает? - опытно спросили. - Видать, отмываться ты начала, девка. Помучаешься с годик, потом пройдет.

И начала Манька мучится. Мучилась терпеливо полгода, потом невмоготу стало.

- Ой, тяжко мне, девоньки, уж и не ем ничего, кроме молока парного.

- К врачу надо, - порешили всей сменой.

Повез Витька на мотоцикле. Лихо вез, быстро, все кочки сосчитал, планы на вечер строил. Пока ждал Маньку в скверике у больницы, мороженое лизал, шоколадное.

- Ну что сказали тебе доктора? - спросил ее, когда подошла. Но жена не ответила, плюхнулась на скамейку и ну реветь.

- Помирать, что ли, собралась, - опешил Витька и тут же мыслишка подлая мелькнула: помрет надоевшая Манька - вот и свобода, а баб сколько у него будет, выбирай не хочу.

- Витька, - прошептала почти похороненная Манька, - сказать даже не знаю как. Детки народятся, скоро уж, двое. А я не знала, думала.... Как же мы, как так - то?

Витька широко открыл рот, мороженое упало на праздничные штаны. Манька испугалась его остолбенелости и завывала пуще прежнего.

И вдруг Витька рванулся к ней, но у самой скамейки притормозил и неловко, неумело поправил теплый платок на ее плечах. Сказал грубовато, но со слезой:

- Что ж ты, мать, так оделась легко, в бок- то запросто надует. Ты погоди, я куртку свою в коляску- то подстелю,

дорога дальняя, поедем тихонько, к вечеру - то приедем, баньку истопишь.... Истоплю. На работу не ходи, хватит уж, - и все суетился, ошалело бормотал что-то и вел Маньку к мотоциклу бережно, придерживая трясущимися руками.

Стали жить дальше, но как - то по - другому. Живот вырос большой, Манька стала как копыта, а Витька был маленький по сравнению с ней, но покрикивал, командовал с настороженной лаской, самому непривычной. Ошалевшей от такой радости и перемен жене подарил на женский день красные бусы.

Отрожалась Манька, двух пацанов принесла. Ей тягости в привычку, хоть и в возрасте она, но крутилась с ребятней с утра до ночи и только улыбалась щербатым ртом. А Витька неся с работы домой стрелой, наскоро помывшись и перекусив, надевал праздничное, клал пацанов в коляску и гордо выходил гулять на главную деревенскую улицу.

- Витька, - кричал ему деревенский народ, - ты ж своим агрегатом всю дорогу занял. Молодеееец! Крепкий мужик, аж двух пацанов на старости лет состругал.

Когда возвращался, Манька крестила детей от сглазу и, лукаво покосившись на Витьку, спрашивала:

- Все не угомонисси? Седой уж, все нейметя, гулеванишь.

ДУША БЫЛА ПОЛНА...

Как-то грустно мне нынче в Белокурихе. Шесть лет назад отдыхала я здесь летом. Тогда время года было более теплым, солнышко ласковым, люди веселыми и я была моложе и беспечней. А сейчас в Белокурихе осень, и как-то подумалось: у меня ведь тоже.

- Красивые осени у нас с Белокурихой, - рассуждала я. - У нее - величественная, с горами синими вдали, рябиной красной, листвой разноцветной и цветами на клумбах последними.

И у меня осень тоже ничего, ухоженная, и красота моя женская, хоть и поблекшая, а трогает еще кого - то. Но ведь осень же, все равно осень и грустно, и жалко жизни, летящей, как с горки, быстро и неотвратимо.

Я гуляла по знакомым дорогам, дышала прохладными ветрами с упоительными, горькими осенними ароматами и так набрела на небольшой ресторанчик с названием «Пятое колесо». В него я и повадилась ходить вечерами. Половину недели скрипач в ресторане публику ублажает, вторую половину - саксофонист. К скрипке я прохладно отнеслась, а вот саксофон - моя давняя слабость. Люблю его звучание, особенное, низкое, будоражащее. В ресторане, если удавалось, садилась поближе к маленькой сцене. Пожилой саксофонист всегда был сосредоточен и деловит. Вот берет он в руки свою золотую трубу, похожую на морского конька, и через секунду льется музыка, и в ответ замирает моя душа.

Однажды она замерла особенно сильно под тягучие, томительные и нежные звуки известной американской мелодии «Летние сумерки». Что-то вздрогнуло во мне, как будто отодвинулась в сторону привычная сдержанность, а может, это корка многолетняя, защитная от боли и невзгод, лопнула, но заскулила тоненько моя душа, обнажилась детскостью, потянувшись к музыке прекрасной, и я заплакала. Слезы полились так обильно, что не хватало мне рук прикрыть лицо, и я прикрылась кусочком хлеба. В борьбе с собой, пытаюсь стать невидимой, я случайно взглянула на музыканта. Он, не прерывая игры, смотрел на меня во все глаза сквозь очки и вопрошающе мотнул головой снизу

вверх. Улыбнувшись из последних сил, я тихонько махнула рукой – мол, не обращайтесь внимания.

- Чем же я вас так расстроил? – закончив, спросил он негромко и заиграл что-то бесшабашно веселое, переливчатое. Я заулыбалась, смущаясь своих недавних слез, и тихонько огляделась.

Небольшой зал ресторана был неполон. В сторонке развлекалась компания. Стадия ее веселья была на уровне застольных песен типа «Ой, мороз, мороз» и саксофониста не замечали. В углу сидела парочка уже немолодых людей: усталого мужчины и кокетливой женщины с романтическим выражением лица. Они изредка танцевали, потом ушли. Мне тоже хотелось покачаться под чарующие звуки, но не в одиночку же. И я просто сидела, упиваясь Полем Мориа, «Besame Mucho», и даже уж не упомяну всего, что слушала тогда. После каждой мелодии я хлопала в ладоши, а саксофонист раскланивался и улыбался. Так и прошел остаток вечера: он играл для меня, а я наслаждалась, млела, радовалась, думала, печалилась и раскачивалась на стуле – танцевала. Вечер подошел к концу, и мы поблагодарили друг друга: я - за состояние своей души, что пела сегодня вместе с его саксофоном, а он - за удовольствие играть для человека, чувствующего музыку. Так он сказал, а потом спросил:

- Все же, почему Вы плакали? Может, вы когда - то любили саксофониста?

СЕКРЕТИКИ

Село солнце за окошком, спать пора. Была бы я одна – юрк в постель и книжку любимую под бок. Несколько страниц на сон грядущий прочитаю, день прошедший переберу: что хорошего, а что беспокойного было. Вспомню тихо всех, кого люблю, и пожалею тех, кто не любит меня.

Нынче все иначе: гостят у меня внучки - близняшки Софа и Ариша. Умывшись и почистив зубки на ночь, облачаются внучки в теплые пижамки дикой расцветки. Я их сшила наскоро из старых фланелевых халатов, но внучкам они нравятся - мягко и тепло. Включается лампа – ночник, я усаживаюсь в кресло и настраиваюсь читать:

- Дело было вечером, делать было нечего,

- И сказал ребятам Боря:

- Мамы всякие важны....

Вежливо послушав, бойкая Софа заявила:

- Давайте лучше разговаривать.

Девочки очень любят эти разговоры перед сном. Мы строим планы на завтрашний день, на Новый год, на дни рождения, на подарки. Софа говорит громко, машет для достоверности руками, мечтает и делает выводы, смешные и неожиданные, часто обескураживая меня. Риша больше молчит, иногда что - нибудь добавляя к красочным рассказам Софы. Вот и сейчас они, как по команде, развернулись лицом ко мне. Риша устроилась лежа, положив под щеки ладошки. А Софа села, ноги калачиком. Уставили на меня одинаковые любопытные мордашки и вытаращили одинаковые темно - карие глазищи.

- Бабулька, а хочешь, я расскажу тебе свой секретик? - таинственно спросила Софа.

- Конечно, - осторожно ответила я, наученная опытом. У внучек нет простых рассказов и секретов. Ох, умны, проказницы.

- Бабулька, я влюбилась, - огорошила меня Софа.

- В кого? - стараюсь не смеяться, серьезно спросила я.

- В Илюшу из нашей группы, - также серьезно ответила Софа.

- Ты уверена? - продолжила я.

- Ага. Он всегда только со мной играет и рядом на утрениках садится. Из дома конфеты приносит и мне дает.

- Маловато доказательств.

- А еще он меня от Тимура защищает. Тимур щиплется и один раз больно меня толкнул. Илюшу тоже толкнул и тот заплакал, а я Тимура как стукну игрушкой и убежала. Он не стал догонять, может, не заметил, я его медведем мягким стукнула. А Илюша меня еще больше стал защищать.

- А в кого влюблена Риша? – спросила я. Риша от смущения зарылась в одеяло.

- Да она в Сеньку влюблена, - пренебрежительно сказала Софа.- Всегда в одного и того же.

- Чем плохо?

- Да ну, я в Стасика влюбилась сначала, а потом, может, в Ваню влюблюсь. А Тимур меня все время лупит, как увидит, что я влюбилась.

- А Сеня Ришу любит? - опять пытаюсь перевести разговор от Софиных страстей в спокойное Ришино русло, спросила я.

- Когда как, - отвечает Софа. - Он же наш сосед. Летом обещал ей голову оторвать.

Риша горестно уткнулась в подушку.

- А потом мы его арбузом угостили, и он опять ее полюбил, - ответственно докладывала Софа. И заявила:

- Бабулька, у меня план. Отпусти деда с нами, он приедет тихонько, подкрадется к садику, зайдет к нам в группу и как даст Тимуру в лоб, да и Сеньке всыплет, чтобы Ришку не обижал, на всякий случай.

Девчонки вдохновились этой перспективой, разругались и заговорщицки зашушукались и захихикали. Мне стоило большого труда их уговорить. Когда они уснули, я вдруг поймала себя на мысли, что с уважением отношусь к миссии мужа. Ведь именно его они выбрали в защитники, не папу, не любимого дядю Андрея, а своего сурового, не больно - то ласкового деда.

Я вышла от спящих внушек к мужу, заслонила собой работающий телевизор и спросила:

- А ты меня любишь?

ОБРЯД

Рассказ из детства

Вечерело. Русская печь была жарко натоплена. Среди ярко горящих углей стояли два чугушка. Подхватив ухватом, поочередно доставала их из печи Арина и ставила на припечье. Сама время от времени поглядывала в угол кухни, где сидела на кровати её бабушка по отцу – Анна. Затем, обернув тряпкой, чтоб не обжечь руки, выливала содержимое чугушков в бочку, стоявшую почти посредине кухни. Бочка была до половины наполнена колодезной водой. Хоть и стояло лето, но вода в колодце была ледяной.

Тоня, в ужасе от предстоящего действия, прижимала сестрёнку к груди, а та молча сидела голенькой на коленках у Тони, не подозревая, что её ожидает. У Арины было тяжело на сердце, страшно за дочку. Противиться же этому было невозможно. Нужно было осенью выходить на работу в школу, где она учительствовала в начальных классах. Тоне подошло время идти в первый класс, а с младшей дочкой Верочкой водиться было некому. Её бабушка Анна, староверка, кержачка, сразу поставила условие:

- Буду водиться с девочкой, если покрестишь её по нашей кержачьей вере.

Пришлось согласиться. Анна готовилась к проведению обряда, перебирая чётки, читала молитвы.

Накануне крещения, когда внучка Арина дала согласие, Анне вспомнилось её собственное погружение. Шестнадцать ей было, когда сосватал её Аверьян из семьи кержачков, приняла их веру. Погружали в реку осенью, на закате дня, вода обжигала тело, но Бог милостив, не простудилась. Даст Бог, и с правнучкой ничего не случится.

Пока Анна готовилась к совершению обряда, Арина, воспользовавшись тем, что у Анны плохое зрение, быстро доливала горячую воду в бочку, чтобы хоть немного повысить температуру воды.

У Тони не было тёплых чувств к прабабушке, да и Анна не очень - то её любила. Достанет из своего сундука конфетки и даст девочкам, а они нафталином пахнут и твёрдые, как камень. Тоня сразу же говорит:

- А конфетки ваши невкусные, не нужно их нам давать! - Отвернётся и уйдёт, а Верочка маленькая, возьмёт и играет ими. А в тот момент, когда готовились крестить сестрёнку, Тоня ещё больше невзлюбила прабабушку. Её сердечко стучало часто-часто, слёзы наворачивались на глаза, и она крепче прижимала к себе голенькое тельце.

К обряду было всё готово. Арина позвала Анну, принесла простынку, забрав дочку у Тони, подала её Анне, а простынку - Тоне. Тоня зажмурилась. В тот же миг раздался истошный крик Верочки, которую Анна окунала в бочку с водой. Тоня открыла глаза и увидела, как та цепляется ручонками за края бочки, а её, подняв, снова окунают с головой в воду.

- Не надо, мамочка! - закричала Тоня.

- Неси простынку, – скомандовала мать. Завёрнутую в простынку, перепуганную, плачущую девочку положили на кровать в горнице. Рядом легла Тоня, плача, она опять прижимала сестрёнку к себе.

Прошло немного времени, девочки успокоились, Вера уснула и ещё долго вздрагивала и всхлипывала во сне.

Верочке исполнилось пять лет. Она росла умницей, помощницей и была любимицей отца. Павел работал радистом в деревне. Радиоузел находился в доме, где жила семья. Дом был большой, состоял из трёх комнат. В одной из них и располагался радиоузел.

Верочка знала, что это работа отца и без него не подходила к установке. Но всегда была рядом с ним, когда тот включал и выключал аппаратуру.

Однажды в летний день, в разгар сенокоса, нужно было срочно убирать поспевшее сено. Павел взял на покос жену и старшую дочь Тоню, которой исполнилось девять лет. Она могла подскребать сено во время мётки копён. Верочке наказал включить радиоаппаратуру, в случае если не приедет с покоса к пяти часам вечера.

- Покажи, дочка, как будешь включать, на какие тумблерочки нажать, что проверить? – наставлял он младшую. - А во сколько включить по времени, не забудешь?

- Я всё помню и всё сделаю, – отвечала та по-взрослому.

Собрав провизию, старшие уехали на покос, который находился в шести километрах от деревни. И надо же тому случиться, как раз в этот день с автобусом приехал сотрудник районного радиоузла с проверкой. Зайдя в дом, он поздоровался. Вера вышла к нему навстречу.

- Кто дома есть? – спросил приезжий.

- Я дома одна, – сказала девочка.

- А папа твой где?

- На покосе, сено убирает, для коровки заготавливает, - добавила девчушка.

- А когда же он будет?

- Вот сено уберёт и приедет.

- Так, так... - подумал инспектор и стал дожидаться, поглядывая на часы.

- А зовут-то тебя как? – спросил гость.

- Вера Павловна! – торжественно сказала она.

- Понятно! - серьёзно вздохнул мужчина.

Время шло. До пяти часов оставалось пять минут. Инспектор нервничал, поглядывал в окно, ожидая, что вот-вот должен появиться хозяин. За две минуты до пяти дверь из жилой комнаты отворилась, и на пороге появилась Вера Павловна. Она уверенным шагом подошла к аппаратуре радиоузла и стала привычно, со знанием дела, щёлкать тумблерочками, включая установку. Затем проверила громкость, отрегулировала и важно, посмотрев на инспектора, удалилась.

Через минуту её головка появилась в приоткрытом проёме двери комнаты.

- Пойдёмте кушать! Вы целый день тут голодный сидите. Мама мне яйца варёные оставила, молоко и пирожки – сказала Верочка.

- Спасибо, я не голоден, - ответил мужчина.

Вера настаивала:

- Я без Вас кушать не буду! Это неприлично, гостя не покормить! А ещё Вы мне не сказали, как Вас зовут?!

- Василий Петрович,- почему-то покраснев, сказал мужчина.

- Пожалуйста, Василий Петрович, проходите в комнату, я уже всё на стол поставила.

- Хорошо, Вера Павловна, – согласился гость.

За столом он спросил:

- А кто же тебя, Вера Павловна, научил радиоаппаратуру включать?

И как часто ты это делаешь?!

- Включаю нечасто, по необходимости, ну как сегодня.

А Вы знаете, что будет, если сено вовремя не убрать?!
Пойдут дожди, оно испортится и коровке кушать будет нечего... - рассуждала девочка.

- Да!.. – многозначительно протянул Василий Петрович.

Верочка продолжала:

- Я папина помощница, я смотрю, что делает папа и запоминаю.

- Ты, наверное, когда вырастешь, будешь радистом? – спросил Василий Петрович.

- Нет! Папа тоже говорит: вырастешь, учишься на радистку, а я врачом буду! Лечить буду всех. Не люблю, когда болеют, и сама не хочу болеть. Сейчас я вот кукол лечу, - быстро ответила девочка и показала Василию Петровичу куклу с забинтованной головой.

- Хворая она у меня. Вечно у неё голова болит. Вот компресс на голову положила. А Вы кушайте, кушайте...

Съев пирог с квашеной капустой и выпив кружку молока, гость заторопился на рейсовый автобус.

- До свидания, приезжайте ещё! - крикнула ему Верочка вслед.

С покоса родители возвращались поздно. Соседка загнала корову с пастбища. Верочка дожидалась родителей, сидя на лавочке возле соседского дома. На дороге показалась лошадь, запряжённая в телегу. Со всех ног девочка устремилась ей навстречу. Отец остановил лошадь, поднял на телегу дочку, погладил по голове и спросил:

- Ну, как дела?!

- Хорошо! К тебе дяденька с твоей работы приезжал, – затараторила Верочка.

- Как приезжал?! Кто?!

- Василий Петрович! Я его пирожками угостила, сказала, чтобы ещё приезжал.

У Павла похолодело в груди. – Всё, выгонят с работы, - подумал он.

- А радио? Радио ты включила?

- Включила, когда одна маленькая стрелочка была на цифре 5, а большая подходила к 12.

Долго ждать не пришлось. Утром позвонили в сельский совет из районного узла связи и попросили Павла приехать.

- Поеду на разбор, – сказал он жене, тяжело вздохнув. Арина видела, как он ночью плохо спал, ворочался, переживал. Незнание всегда тяготит. Знал свою вину, оттого и было не по себе. В контору районного радиоузла Павел зашёл подавленный, с чувством вины. Поздоровался. Начальник связи Григорий Анисимович смотрел на него из-под очков.

- Ну, что скажешь?!

- Что сказать, виноват.

- Виноват, – передразнил Григорий Анисимович Павла.

- А ты знаешь, что тебе за это надо сделать?! Ребёнок у него аппаратуру включает, а он, видите ли, занят, сено косит.

- Убирал я сено, погода стоит...

- Какая разница, что ты делал...

И дальше Григорий Анисимович не стеснялся в выражениях.

Павел молчал, но в голове стучало: «Только бы оставили на работе». Начальник перешёл на язвительный тон:

- Слушай, а зачем мы тебя на работе держим, зарплату платим?! Может, и вправду, дочку твою возьмём на работу, купим ей килограмм конфет, да и пусть включает и выключает аппаратуру. Это всё шутки, конечно, а вообще - то строгий выговор тебе. А за то, что оставили на работе, спасибо скажи Василию Петровичу, уж больно ему твоя Вера Павловна понравилась. Просил за тебя. Передай привет

ей,- уже успокоившись, сказал Григорий Анисимович шутливо.

От радости, что всё обошлось, ноги быстро несли Павла на автобусную остановку.

Прошло более десяти лет. Павел продолжал работать радистом. Все дети в семье выросли. Вера стала уже девушкой. Однажды, раздуманная с мороза, забежала она в дом, увидела незнакомого мужчину, остановилась:

- Здравствуйте!

- Здравствуй, здравствуй, Вера Павловна, - встал ей навстречу гость.

- Помнишь меня?!

- Нет! – смутилась девушка.

- Василий Петрович я, ну которого ты пирожками угощала, вспомнила? Приглашала приехать, вот я и приехал, – пошутил он. Потом серьёзно добавил: - К отцу я по делам, а ты просто красавица стала, в каком классе учишься?

- В десятом, – ответила Вера.

- Не передумала на врача–то учиться.

- Не передумала.

- Эта своего добьётся, - подумал Василий Петрович и, подмигнув ей, вышел.

ЗМЕЯ

Мать ушла убираться по хозяйству, да что-то и задержалась. Наташа разложила нарезанный хлеб, расставила тарелки на столе, приготовила все к завтраку. Двое ее братьев уже сидели на своих стульях в ожидании завтрака.

Вернулась мать со двора, чем-то озабоченная. Незамедлительно последовал вопрос дочери:

- Что случилось?

- У нас в курятнике, видимо, появилась змея.

Наташа вопросительно посмотрела.

- Яйца-то куриные пустые стали и дырочки на них. Только змеи так делают, их работа.

- Змея? У нас – змея?! – Наташа испуганно, во весь голос завопила. – Больше я твоих кур кормить не буду, и ты меня не заставишь! – придвинув недовольно стул, присела.

- Вот и не надо, недалеко до беды.

Сама же мать думала – гадала: что за зверь у них завелся, глядишь, и куры начнут пропадать, как бы разобраться с этой «оказией».

И вот однажды, когда она сидела за шитьем у окна, выходящего во двор, что-то промелькнуло у двери курятника. Куры с кудахтаньем стали вылетать оттуда через специально выпиленную дыру в двери. Кто-то в курятнике «бесновался».

Мать быстро выскочила во двор, схватила железный кол, за который привязывают веревку для выпаса козы, и направилась на шум. Цепочка на двери висела нетронутой, значит, дверь не открывали. Она осторожно подкралась, бесшумно сняла цепочку и тихо приоткрыла дверь в ожидании увидеть там «нечто». Удивленная, застыла на месте. Посре-

ди курятника, на полу, сидел ее пятилетний сын Юра, а возле него лежало штук пять яиц. Он крепко сжимал одной рукой куриное яйцо и упорно тыкал его иголкой. Затем, выпив все содержимое яйца, влез по небольшой лесенке к гнезду и, как ни в чем не бывало, положил туда яйцо. Вот кто портил яйца-то! Сдерживая смех, мать окликнула сына. Тот от неожиданности зацепился за лестницу ногой и упал грудью на лежащие яйца. Конечно, они все были раздавлены. Поднимаясь, он громко заплакал или от страха, что его накажут, или что испачкался. С его рубашки, с рук стекал яичный «кисель». Мать за руку вывела сына из курятника.

И, надо же, откуда-то выскочил их цветной петух и, пританцовывая, кинулся на них. Мать еле успела закрыть собой ребёнка. Кое-как отогнала петуха, произнесла: «Вот видишь, в следующий раз защитить тебя будет некому, вот он задаст тебе». На что Юрка буркнул: «Я больше не пойду сюда!» На крик брата из дома выбежала Наташа, она всю эту сцену с петухом увидела, но по-детски, заливисто смеялась от того, что с брата стекала яичная смесь со скорлупой.

- Вот это змея у нас!

А мать подумала: - Надо же, какой смысленный ребенок, догадался же так делать. И как это петух-то раньше его не трогал?

ПОЕДИНОК

Наташе купили новое платье. Красивое, розовое, с рюшечками, с отрезной талией, с широким шикарным бантом, да ещё рукава фонариком. В общем, платье для принцессы. Когда она его надела и подошла к зеркалу, сама себя не узнала! Там отражалась такая красавица: белые кудри спадали ей на плечи. Красивые голубые глаза хлопали

длинными, чёрными ресницами. Было такое впечатление – они накрашены. На неё и так засматривались ребята, а тут ещё такое платье...

Правда, из ребят ей больше всех нравился Колька, но вот он почему-то никак не смотрел в её сторону, не проявлял интереса. Обидно!

Покрутилась - покрутилась у зеркала, послушала от родственников комплементы в свой адрес и вприпрыжку подалась на улицу. Надо же похвастать перед девчонками, увидеть, как от зависти у них будут гореть глаза. Особенно ей хотелось показаться Оксане – самой близкой подруге.

Дружба у них с самого садика, да и родители их дружат давно, с рождения девочек. А жила Оксана на другой улице, которая вела вниз, к речке.

Речку дети любили, летом только на ней и пропадали. Когда на улице стояла такая жара, что даже в тени не было спасения, речная прохладная вода была бальзамом для тела и души детей, но и зимой на коньках, на санках – так здорово!

За речкой лес – ещё одно любимое место детей. В нём тоже был обследован чуть ли не каждый уголок. Знали, где самая грибная поляна, где растёт крупная и сладкая черёмуха, с которой зимой пекли такие вкусные пироги, они так и таяли во рту, доставляя наслаждение. Земляничные полянки им тоже были ведомы.

Вот она и направилась к подружке, да так размечталась о встречах с девчонками, да если ещё и Коля увидит, удивится, дружить предложит... Мысли её прервала неизвестно откуда взявшаяся коза, которая неожиданно преградила путь. Девочка в испуге застыла. Козу все дети боялись, даже взрослые побаивались. Уж очень она была бодливая!

Это же мерзкое существо, опустив рога, двинулось на неё. Что есть мочи Наташа бежала от козы. Лихо перемах-

нула небольшой забор, вырвав клочок нового платья, зацепив его ржавой проволокой, потом ещё забор, словно это бег с препятствиями, но поняла: от козы не убежать, надо срочно что-то предпринимать. Наташа резко остановилась, коза от неожиданности замешкалась, девочке хватило этого времени, чтобы схватить животное за рога и всем весом налечь на них. Бой шёл не на жизнь, а на смерть, никто никому не хотел уступать. Земля после утреннего дождя ещё не успела просохнуть, ноги скользили, Наташино розовое платье уже не походило на новое. Кто знает, чем бы всё это закончилось, если не...

Коза от боли и неожиданности отскочила в сторону. Второй удар хворостины пришёлся по спине животного, заставив податься в бега. Коля помог Наташе подняться. Она стряхнула грязь с платья, с колен. Ей так было неудобно перед ним, щёки залились краской...

- Давай, помогу!

Мальчик протянул Наташе руку, и они вдвоём, смеясь, пошли по дороге к речке...

ГОВОРЯЩАЯ БАНКА

С сестрой мы не виделись уж лет пять, и оттого сегодняшней вечер мне казался каким-то нереальным. Тем более по стеклам хвостал совсем не летний дождь, а нам было тепло и уютно на этой небольшой, еще неоштукатуренной кухне. Здесь мне всегда рады. В этот раз я приехала без предупреждения, и чтобы подольше сохранить инкогнито, как могла меняла свой голос, когда в четыре утра стучала в окно. Но, видно, актер с меня неважный, вычислили меня на раз. Двое суток мы не могли наговориться, на сон у нас оставалось не больше трех часов. Как же, столько новостей накопилось! А сейчас я в приятной истоме, на правах гостыи, сидела за столом, подставив кулак под щеку, и наблюдала, как хозяйка варит борщ.

В детстве мы с сестренкой не только не походили друг на дружку, а, как казалось на первый взгляд, были полными противоположностями. Я снаружи тихая и послушная, с бурей внутри, и моя сестра, тогда я не думала, какая она там, внутри, но снаружи она порой походила на ёршика. И, зная ее характер, я немного напряглась, когда увидела, что ее муж пришел с работы не в настроении.

- Лена, почему банка под ногами?

Я невольно посмотрела на его ноги. Ногам ничего не угрожало. Банка, правда, была, но стояла метрах в двух от ног хозяина и проход не загоразживала.

- Сейчас, Сережа, уберу.

Я, признаться, удивилась не ответу, а той неузнаваемой интонации, несопоставимой с моей сестрой, что заставило меня уставиться на Лену во все глаза.

-Лена, иди, убери банку!

-Да, Сережа, сейчас дожарю и уберу.

Еще через минуту банка как банка перестала существовать, ее пронзительный «бзыньк» резанул воздух и застрял в барабанных перепонках. Моя сестра мешала зажарку и будто бы не слышала отчаянного вопля посуды. Жертва была принесена, и Сережа неспешно удалился в дальнюю комнату. Казалось, пауза, зависшая над кухней, совсем не волновала одну только царицу обеда: она, удостоверившись в готовности блюда, убрала сковороду с огня, и надо было видеть ее лицо: на нем я не заметила ни тени возмущения или недовольства. Она просто взяла веник в руки и отдала трехлитровке последние почести. Я еще несколько минут помолчала и не выдержала:

- Ну, ты даешь! Я бы уже полчаса как билась! Как ты можешь такое терпеть?!

- Я знаю, что он меня любит, - это все, что ответила мне моя когда-то ершистая сестренка. Я больше ничего и не спрашивала. А зачем? Ведь о любви сегодня так пронзительно было сказано, что оставалось только молчать. А еще говорят, что банка - предмет неодушевленный.

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Что жизнь непростая штука, Федька знал с детства. А всё его сознательное детство пришлось на войну. Ему исполнилось шестнадцать лет, когда война закончилась.

Рано ему пришлось научиться выполнять домашнюю работу, делая всё не спеша, по-хозяйски. Дома он был за старшего. Единственный мужчина в доме. Отец ушёл на фронт в 1941, летом. Мать Федька тоже видел редко, она пропадала на работе. Работала телятницей, дояркой, скотницей. Мужиков в деревне почти не осталось, вот и «ломалась», как могла, и за себя, и за своего Васю, Васю-Василёчка.

А дома ещё две дочки, две младшие его сестрёнки-погодки, которым Федька был и нянькой, и кормилицей, хотя и они свою заботу-работу знали и тоже выполняли, как могли.

Иногда сестрёнки ссорились, не поделив что-то, и Федя, исчерпав небольшой запас мер воздействия на них, заявлял: «Вот отец узнает, как вы себя ведёте, что он скажет? Вы думаете, он обрадуется?» На что сестрёнки дружно отвечали: «Нет!» Затем также дружно спешили заняться своим делом. Кто пол подметал, а кто посуду мыл.

Сам Федька и дрова рубил, и в огороде управлялся, и на рыбалку ходил, и сено сам косил, короче, «на все руки дока».

Школу Федька закончил, но особого рвения до знаний он не испытывал. Некогда ему было. Но вот к своей однокласснице соседке Катьке, похоже, что-то испытывал. Как бы не был занят своими постоянными делами, а глаза сами заглядывали к соседям.

Катька, большеглазая девчушка, с двумя длинными, светлыми, выгоревшими косичками, на Федьку никакого внимания не обращала, а может, делала вид. Поди узнай!

Вот так и жили. «Тянули лямку», ожидая окончания войны.

Отец пришёл с фронта перед самым концом войны, седой, весь изрезанный, весь другой. Совсем не такой, каким его помнил Федька. А тут — победа! Радость, ликование без предела. Отец плакал, обессилено опустив руки. Две сестрѐнки, обнимая его с двух сторон, целовали его заросшие щѐки.

Федька радовался больше всех. Катька - соседка на радостях, подбежав к нему, чмокнула звонко его в щѐку. Федька опешил, сгрѐб её в охапку, но она, как ураган, вырвалась и понеслась по деревне, поздравляя сельчан с победой. Тяжёлая это была победа для Федькиной семьи. Отец побывал в плену под Донецком. Всё тело его было отбито, изранено. По ранению и попал в плен.

Отец не любил рассказывать о войне. Очень свежими были все раны. Но Федька и сестрѐнки были счастливы. Мамка помолодела, посветлела лицом. Да, это было счастье! Папка вернулся, живой! Не всем такое счастье досталось. Многие за войну получили похоронки.

Федькина худая фигурка с несформировавшимися ещё острыми плечиками продолжала хозяйничать во всѐм и везде. Вот крыша в баньке потекла, прохудилась. Федька лезет на крышу и, из старого ведра выбив заплату, закрывает течь возле трубы, а сам с высоты заглядывает к соседям. Вот Катька рядом. Кажется, протяни руку и дотянешься до неё.

После войны зажили поспокойнее. Отец с девчонками всегда был дома. Девчонки учились, по дому уже сами справлялись. Мать работала. Федьку отправили учиться в

школу механизаторов, которую он успешно закончил. Но про Катьку он никогда не забывал. Домой рвался, только чтобы её увидеть хотя бы одним глазком. Но...

Катька уехала учиться на фельдшера. Все его приезды сводились только к домашней работе. Огород, сено, ремонт утвари...

Работы всегда хватало. Жили бедно. Новое не на что было покупать. Средств едва хватало, чтобы свести концы с концами. Мать ожидала ребёнка.

Отец к осени простудился и слёг. Федька в родном колхозе работал в тракторной бригаде, ремонтировал технику. Потом ему дали старенький трактор, который он очень любил. Он важничал, сидя в железной кабине. И, подъезжая к своему дому, заглядывал к соседям. И вот! Свершилось! Светлая голова мелькает за забором, приехала Катька! От Федькиной взрослости не осталось и следа. Радость переполняла его. Он был счастлив. Катька приехала!

Отцу становилось всё хуже. Он почти не вставал с постели. Мать и девчонки, как могли, ухаживали за ним.

Федька только помнит усталые измученные глаза отца, седые седые волосы, слипшиеся на лбу, совсем ещё не старого человека, отдавшего всего себя этой страшной войне.

Катька как новый фельдшер часто заходила к ним, слушала отца, разговаривала с матерью. Но это уже была не Катька, Екатерина Павловна, повзрослевшая, со строгими серо-голубыми глазами, тяжёлой косой, закрученной в пучок на затылке. Ладная да складная. Федька не помнит ни одного слова, которые она говорила, уходя. Он только во все глаза смотрел на неё, на Катьку. Вспоминал этот «победный» поцелуй. Кровь сразу была в голову. Краснели уши, щёки. Провожая Катьку, не раз пожалел, что живёт она очень близко. Так хотелось провожать её далеко-далеко... Так много чего ей хотелось сказать. Но она уже прощалась,

а остановить её и сказать ей о своих чувствах он не знал как. Он робел перед ней, язык присыхал во рту. Федька молчал. Он молчал долго. Никто не видел, как он мучается, мается.

Работа спасала. А ночью, зарывшись головой в подушку, он чуть не плакал, слыша стоны отца и всхлипывание матери.

Отец умер тихо, как будто уснул. Федька плакал навзрыд, как маленький ребёнок. Он так и не почувствовал отцовскую заботу, опеку. Он вырослел очень одиноко, заботясь с детства о сёстрах, о матери. В армию его не взяли, мать не отпустила. И Катька, его любимая Катька больше не будет заходить к ним.

Эх, отец, отец! Как бы хотелось с ним поговорить по-мужски, о житейских делах, о любви. Федька ревел! Остатки детства уходили с этими слезами. Прощались с отцом тихо. Вся деревня пришла хоронить его отца.

Вскоре мать родила девочку, сестрёнку. Хлопот добавилось. Федька работал с двойным рвением. Он повзрослел. Зарабатывал хорошо, но на руках была вся семья. Тянулись.

Катька иногда заходила посмотреть маленькую сестрёнку. Федька в это время был на работе. Вечером сёстры наперебой рассказывали ему, что Катьке посватался какой-то морячок, недавно демобилизованный, что скоро свадьба.

Это был удар для Федьки. Такого он не ожидал.

Катька была всего на несколько месяцев старше его. Его одноклассница. Он привык к мысли, что скоро, чуть-чуть ещё поправится материально и обязательно позовёт Катьку замуж. Ведь она должна была это видеть, чувствовать. Она это видела, чувствовала, но судьба развернула всё иначе. Федька молчал. Жених оббивал порог. Катька, его Катька, Екатерина Павловна дала согласие, послушав родителей, на брак с морячком.

Свадьба была грандиозная. Под гармошку и баян плясала вся деревня. Голосистые девки и бабы частили частушки. Прибаутки мужскими голосами заставляли дружно хохотать всех гостей. Федька, зарывшись в подушку, грыз её, чтобы не зареветь, не зарыдать, но... Слёз не было. Выплакал все на похоронах отца. Посмотрев на себя со стороны, Федька первый раз понял, нет, не пара он ей. Он работяга до мозга костей. Опора и забота для всей семьи, а она - одна дочь у пожилых родителей. Образованная. Избалованная. Ей пора замуж. Женихов раз-два и обчёлся. Всё правильно! Счастья ей!

И, посмотрев на свои сапоги, вздрыг стоптанные, окончательно решил. Нет! Мы — не пара! Ну, какой же я для неё муж? Она — особенная!

Жизнь продолжалась, и он принялся с остервенением начищать сапоги.

Прошло пару лет. Федькина жизнь мало изменилась. Он работал уже на новом тракторе. В село провели электричество. Сестрёнки периодически сообщали о новостях у соседей. Катька скоро ребёночка родит, уже срок подходит. Но Федька все новости пропускал мимо ушей. К соседям больше не заглядывал, занимаясь привычной работой. Заглушив все свои чувства, он был даже рад, что справился с этими страданиями. Но вот однажды, когда Федька забежал на обед домой перекусить, на пороге, бледная, как приведение, появилась Екатерина. Дома у неё никого не было, а ей пришло время. Боль и страдания беременной женщины, страх за ребёнка заставили её выйти из своего дома. Услышав треск работающего двигателя трактора, она добрела до дверей соседа.

Лишь взглянув в любимые серые глаза, потемневшие от страданий, Федька понял, что никого он так любить не может. Физически. Он всё понял без слов.

Подхватив Катюку на руки, он, не чуя под собой ног, понёс её в свой трактор. И что было мочи погнал в больницу. Довёз её, обессиленную, заплаканную, замученную, вовремя.

Катюка сына родила.

Прошло ещё несколько месяцев.

Федькина жизнь протекала спокойно. Девчонки доучивались в школе, мать, резко постарев, превратившись в серую старушку, всю свою любовь и силы отдавала младшенькой дочери. Та подрастала, радуя всех своими первыми выходками.

Всё чаще Федьку стали называть Фёдором Васильевичем. Его уважали за добросовестный труд, за ответственность перед близкими. Однажды вечером, когда все уже управились и собирались отдыхать, в дверь постучали. Федька, открыв дверь, опешил, увидев на пороге Катюкиного морячка. Это был уже сложившийся мужчина, умные глаза которого смотрели прямо вовнутрь, в душу или в сердце, не знаю. Но от этого взгляда нельзя было отвернуться. Федька почувствовал холодок, который пополз по загривку. Нет, он не ревновал к этому человеку Катюку. Он просто не представлял, как Катюка с ним живёт. Он отгонял эти мысли от себя, заставляя себя не думать о ней. А перед глазами всегда было её лицо, глаза, мутные от слёз. На руках он ощущал её тело, тяжесть его. И ничего приятней этой тяжести не было. Она улыбалась ему с благодарностью. А тут вдруг он, её муж. Что-то случилось... Морячок нарушил заминку, обратившись к Федьке по имени-отчеству, доставая из кармана пол-литра водки.

- Потолковать надо, - сказал он, прищурился своим внимательный взгляд.

Мужики прошли на кухню. Женская половина с любопытством разглядывала позднего гостя, особенно старшие сестрёнки, которые хихикали потихоньку за дверью.

- Во-первых, я пришёл поблагодарить за жену, за сына. Так получилось, что оставил её ненадолго, а она вот..., - тут он осёкся, и, глядя Фedyке прямо в глаза, вдруг спросил: - Любишь её?

Федька ничего не понимал, что происходит, перед ним сидел этот человек и исповедовал его. Федька молчал.

Морячок налил водку в стаканы, предложил: - Давай выпьем! Разговор серьёзный.

Федька редко выпивал, тяги к этому зелью не имел, а тут поднял стакан и залпом выпил. Чтобы понять всё происходящее, выпить пришлось ещё.

Нет, он не был против разговора с этим человеком, всего лет на пяток старше его, выглядевшим намного старше, видевшим жизнь с разных точек зрения. Успевшим даже повоевать немного. Бравый моряк, имевший награду за боевые заслуги, сидел с ним, с Федькой, пил водку и просил у него прощения, за то, что вторгся в их спокойную деревенскую жизнь, нарушив их уклад, и только после рождения ребёнка понявший, что его жена, Екатерина Павловна, не любит его, что её отношение к нему будет только ухудшаться, что такой жизни ни ей, ни себе он не хочет - насильно мил не будешь! За это недолгое время, которое прожил в деревне, он понял, что она не просто не любит его, а любит другого. Как человек проникательный, он понял это после рождения сына. Его жена, его Екатерина Павловна, любит Федьку. Неспроста даже рожать его сына она пошла к нему, Фёдору. Она в нём была на все сто уверена. Женщину в таком состоянии не обманешь. Она инстинктивно ищет защиту и сострадание и доверится только тому, в ком это есть.

Фёдор, наконец, всё понял. Пока он скромничал и от-малчивался перед своей Катькой, она тоже, не понимая серьёзности содеянного, вышла замуж, по настоянию родителей, которые, в свою очередь, желая своей единственной дочери счастья, нашли ей такого замечательного мужа.

Лишь он, её муж, человек со стороны, сумел разобраться в тонких деликатных делах двух соседей.

Фёдора нельзя было назвать молчуном по жизни, но здесь он молчал, как будто язык отнялся, кляня себя, как только можно было в мыслях.

Неужели трудно было сказать Катьке всё ещё тогда, когда всё не зашло так далеко?

Слушая своего собеседника, Михаила Ивановича, Фёдор встал из-за стола, оделся и пошёл на улицу. Ему не хватало воздуха в доме, сердце билось так сильно, что он боялся, что от его стука проснутся его сестрёнки. Михаил тоже вышел за ним. Стояла уже глубокая ночь. Соседский дом стоял рядом. Окна во всём доме горели непривычным электрическим огнём. В доме не спали. В доме ждали. Соседский дом был разделён на две части. В маленькой половине жили Катины родители, в другой половине всё было обустроено для молодых. Но жить в одном доме, постоянно натываясь на немые вопросы и не находя ответы, Михаил больше не мог.

- Пойдём к ней, - сказал Михаил.

- Пусть решает всё и сейчас!

Недолго думая, мужики отправились к соседскому дому, к Катиной двери.

Фёдор себя не узнавал. Какая-то неистовая сила несла его туда.

Когда открылась дверь, оба вошли в избу. Слов не было. Снова её глаза, полные слёз. Снова обожгло, как огнём. Господи! Да что же я делаю? Фёдор снова потерял дар ре-

чи. Нашёлся Михаил. Подошёл к жене, поцеловал её в голову и подвёл к Феде. Сам, собрав свои вещи, поцеловал сына, спящего в кровати, ушёл. Совсем ушёл, как будто вырвался из уз. Так Михаил сосватал свою жену Фёдору. Михаил уехал. Написал письмо Фёдору, присылал деньги Кате для сына, Семёна.

- Так мы с женой вместе шестой десяток доживаем. Своих ещё четверых детишек мне родила. Уже все взрослые. Внуков вырастили, уже правнуков ждём. А Семён, Семён Михайлович, большим человеком стал. Инженерствует, изобретает что-то. Он мне всегда помогал с железками возиться. Советовал, как лучше сделать. Иногда знать не знает, мал ещё, а сделаешь, как он скажет, и, действительно, лучше. У него дар такой, интуиция. Выучился сам. Умница! Я его с детства уважал. Он мне как товарищ всю жизнь был. Это сейчас он уже дедом стать собирается. Давно не приезжал, а то постоянно приезжал, звонил, деньгами помогал. Молодец! Младшим и в школе помогал, и учиться заставлял.

- Сейчас время такое, без знаний тебе все дороги закрыты, - говорит он уже своим ребятишкам и племянникам. Его уважают, прислушиваются к его мнению.

Вот жизнь прожили, а умирать не хочется. Жизнь интереснее день ото дня. Здоровья вот нет. Сам в прошлом году операцию перенёс, а сейчас Екатерина Павловна ногу повредила. Если с ней что-то случится, то я не переживу.

И в его серых, выцветших от времени глазах заблестели слёзы.

- Быстро жизнь проходит, вот вы, молодые, не теряйте зря времени. Хватитесь, а время уйдёт, - назидательно произнёс Фёдор Васильевич, снова погружаясь в свои воспоминания.

Я ехала к своей дочери в деревню и случайно стала свидетелем рассказа-исповеди этого пожилого человека со своей попутчицей, женщиной средних лет, которая, видимо, хорошо знала Фёдора Васильевича и его семью. И мне подумалось: - Необыкновенная судьба обыкновенного человека, моего земляка. Сколько же необыкновенных судеб на земле нашей? Ведь о каждом, я не преувеличиваю, о каждом можно написать рассказ, повесть или настоящий роман. Ведь такие люди — настоящее богатство земли Русской. На их плечах, на их терпении расцветает наш край. Автобус долго вёз нас по мокрому шоссе. Монотонно работал двигатель. За окном шёл дождь. А в автобусе слышен был неторопливый рассказ необыкновенного человека...

Наталья НАТАЛЬЧЕНКО

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

Быль

Люблю я лес с его таинственной загадочностью. Войдёшь и сразу попадаешь в другой мир, как будто зашёл в чужой дом без приглашения. Всё замирает вокруг настороженно, как бы определяя, с добром ты пришёл или нет. Я невольно здороваюсь с этим таинственным хозяином и заверяю его, что пришла с миром, прошу позволения на сбор грибов. И сразу легче становится. Головокружение постепенно проходит и начинается знакомство с лесом. То дерево необычное бросится в глаза, то мох на пне расстелен красивым ковром. Стараюсь настроиться на нужную волну, на то, зачем пришла. Глаза порой подводят, принимая желтый лист за лисичку, или кусок берёзовой коры за притаившийся груздь. Но постепенно появляется какое-то особое чутьё, как третий глаз открывается, и начинается охота! Ты ещё ничего не увидела, а уже знаешь: там, в травке, есть то, что ты ищешь! Эта игра так захватывает, что забываешь смотреть по сторонам. И только когда связь с грибами прерывается, либо корзинка наполняется доверху, начинаешь думать, куда же дальше идти. И как-то всё время получалось найти правильное направление, или почти правильное... Но случилось со мной одно приключение, когда это чутьё меня подвело.

Поехали мы с мужем в прошлом году за опятами в сторону посёлка Горячегорск. Незадолго до этого были небольшие заморозки, и в знакомом месте грибы оказались подмороженными. Уже ехали назад, набрав вместо опят трутовиков и красивого мха внучке на поделки. Не доехав до Горячегорска, решили ещё поискать желанные грибы.

Время было послеобеденное, так что часик - два ещё можно было побродить. Слева от дороги был крутой подъём на сопку, а справа - довольно пологий лес, и я пошла направо. Как обычно, войдя в лес, я остановилась, пообщалась с таинственным незнакомцем и обратила внимание, что берёз очень мало вокруг, в основном осины и ёлки. Шла не спеша, присматриваясь, и вдруг неожиданно увидела подосиновик, молодой, бодренький, с красной шляпкой, слегка кем - то надкушенный. Здесь, в тайге, мне очень редко падается этот гриб. Когда - то в Казахстане, в сосновом бору, встречались осинники, вот в них в урожайный год можно было набрать много этих замечательных грибов! А здесь - редкость! И как говорится, щелкнуло, азарт включился, охота началась! Через некоторое время я ещё два подосиновика нашла и всё! Как отрезало! Я ещё какое-то время шла, а потом подумала, что как-то легко мне шагать. Остановилась, осмотрелась и поняла, что спускаюсь по крутому склону, а напротив видна другая сопка. Стало ясно, что надо возвращаться. Связи там нет и на телефоне можно только следить за временем. Оказалось, что я уже гуляю три часа. Назад идти было очень трудно. В азарте я спустилась довольно далеко. И тут я заметила справа примятую траву, тропинку. Решила пойти по ней и обогнуть вершину. Но очень скоро тропинка оборвалась, а впереди была высокая трава и бурелом. Вокруг были одни берёзы, ни осин, ни даже ёлок нигде не наблюдалось. Хотелось пить, и ноги уже дрожали от усталости и цеплялись за траву. Упав в очередной раз, полежала, отдохнула, помолилась и дальше пошла. Все старалась увидеть высокий ельник, возле которого я нашла первый гриб. Ельник наконец увидела - тот или нет, не знаю, но осины так и не встречались. Услышала гул, остановилась, пытаюсь определить, с какой стороны он слышится, оказалось, что сверху, это был самолёт. А тут ещё

над головой белая сова пролетела. Всё. Ночь скоро. Неужели придётся ночевать в лесу? Стало по-настоящему жутко. Одна. В какую сторону идти – не знаю, да и сил уже нет. Присев на пенёк, стала ругать себя вслух, что расслабилась, ведь никто, кроме меня самой, мне не поможет! Закрывает глаза и опять помолилась. Попросила Ангелов-Хранителей подсказать дорогу. Открываю глаза – передо мной высокие ёлки, а между ними, как фонарик, прямо в глаза мне светит солнце, и как будто кто-то сказал: - Иди на солнце. Ведь я и раньше поглядывала на солнце, когда оно появлялось из-за туч, но думала лишь о том, что оно опускается всё ниже. И только сейчас, как будто мозг включился после подсказки и начал соображать, что, заходя в лес, я оглянулась на солнце, оно светило мне в спину. Как же я раньше – то об этом не вспомнила?! И я пошла строго на запад, не разбирая дороги, падала, вставала и шла дальше. Откуда только силы взялись! Впереди появилась большая куча валежника, но я не рискнула свернуть – вдруг опять собьюсь с дороги. Мужественно полезла на валежник. Преодолела это препятствие, стало идти легче. И тут ясно услышала шум машины и даже увидела, как за деревьями проехала большая фура. Это была победа! Я ускорила шаг. Выйдя на дорогу, посмотрела время. Телефон показывал ровно двадцать часов. Нашей машины на дороге не было. Муж уехал за помощью, так как у него протез, и по лесу он ходить не может. Я пошла в сторону Горячегогорска. Скоро меня догнала «Нива». Я объяснила водителю ситуацию, и он согласился меня подвезти, так как ехал в Шарылово. Проехав Горячегогорск, мы увидели «Хонду», мчавшуюся на большой скорости нам навстречу. Это была наша машина. Водитель «Нивы» сказал, что сможет догнать и развернулся. Минут через десять муж уже рассказывал мне, что едет машина МЧС меня ис-

кать. Встретив спасателей, мы заполнили нужные документы и поехали домой. Очередной экзамен судьбы я сдала!

Так устроена наша жизнь. Каждый человек получает свою порцию трудностей и радостей, и всегда неожиданно. Важно в этот момент не потерять голову! А, как известно, безвыходных ситуаций не бывает, как и абсолютного счастья!

ОЗЕРО СВЕТЛОЕ

Путевые заметки

Играют лучи в водах озера Светлого,
Призывно лаская гладь подводных камней.
Могучие кедры помнят тайны заветного
С прошедших веков и до нынешних дней.

Если сказать, что мне понравилось озеро Светлое, – значит, ничего не сказать! Я влюбилась в это озеро, как когда-то в Чёрное море. И сходство моего чувства заключается, конечно, не в размерах водоемов, а в моём сильном желании побывать здесь ещё раз! Чем же поразило меня это озеро?

Скорее всего, своей сказочностью. Вода прозрачная, как впрочем, и во всех водоемах парка Ергаки. Метра четыре от берега глубина небольшая и можно рассмотреть каждый камешек, а потом лежат большие валуны желтого песчаника на небольшом расстоянии друг от друга, слегка прикрытые водой. За ними сразу начинается резкое увеличение глубины. Вода приобретает темно-синюю окраску. А вокруг озера растут вековые кедры. Их корни похожи на гигантских осьминогов, разбросивших свои щупальца вокруг дерева. А

ветки такие, что на них можно, при необходимости, устроиться на ночлег. И всё это, вместе взятое, навело меня на мысль, что именно здесь могли собираться русалки на свои игрища.

По периметру озера видны палатки. Здесь пересекаются разные маршруты, и все группы туристов останавливаются на ночлег. Но присутствие людей совершенно не смущает живущих на озере чернозобых гагар. Они словно позируют перед фотоаппаратами.

Наша группа вышла к озеру Светлому к концу третьего дня похода по Саянам. Это был трудный переход. Мы шли со стоянки на озере Радужном через перевал одиннадцать часов. Первоначально предполагалось, что к озеру Светлому можно пройти по короткому пути через Медвежий перевал, согласно карте маршрута. Но на местности на перевале меток (ориентиров) не оказалось. И мы вынуждены были вернуться к Перекрёстку и пойти по меткам более длинного пути.

Все закончилось благополучно. В сумерках поставили палатки. Поужинали на скорую руку и легли спать. А утром меня разбудил крик моего внука Никиты: - Скорее дайте фотоаппарат – на озере утки в догонялки играют! Он, обычно спокойный, был сильно возбужден и, схватив фотоаппарат, убежал на озеро. Мы заинтересовались и пошли следом. И действительно, было от чего потерять голову!

На середине озера спокойно плавала гадара, видно, самка, а два самца, в прямом смысле, бегали по озеру, отталкиваясь от воды лапами и крыльями. Один убежал, а другой догонял, и они очень близко приближались к нашему берегу, не обращая на нас никакого внимания. Наши мальчишки, как на соревнованиях, комментировали и снимали на видео происходящее. Потом селезни явно устали и спокойно занялись охотой на рыб. Они ныряли, долго не появляясь

на поверхности, а потом выныривали совсем в другом месте, иногда издавая протяжные, призывные звуки: «Фьють, фьють» или гортанные, негромкие, как бы даже ворчливые: «Га – га – га». Налюбовавшись вдоволь на жизнь птиц в природе, мы пошли готовить завтрак. Погода стояла хорошая, и всё шло по плану. Хотя ещё на прежней стоянке нас предупредил руководитель проходившей мимо группы о предстоящей грозе. У нас в программе похода было запланировано посещение интересных мест налегке. Вот и сегодня все пошли на озеро Золотарное, а мы с дочерью и учительницей остались в лагере готовить обед. Перед началом работы решили искупаться. Какое же это блаженство! Фотографировались, представляя себя русалками, пока детей рядом нет. За весь поход это было самое прекрасное приключение! А ночью началась гроза. Потом пошёл град. К утру все стихло. И все заснули. А когда проснулись, то нас встретил мелкий осенний дождик, который не прекращался ровно двое суток. В такую погоду по горным тропам ходить нельзя. Но поход наш заканчивался, и надо было возвращаться на базу. Вышли утром в дождевиках. На каждой травинке, на каждой хвоинке висели гроздьи капель. Дождь, наконец, затих, но идти по мокрым тропам было сложно, и поэтому шли медленно и фотографировали все вокруг и себя на красивом таёжном фоне, на фоне горных речек или у огромных корней поваленных деревьев.

Всё равно этот переход мне показался намного легче первых двух. И я решила, что по этому маршруту я всё равно ещё раз побываю на озере Светлом!

Сергей НОВИКОВ

ЕГИПЕТСКИЕ «СТРАСТИ»

Путевые заметки

А вы знаете, бывал и я за границей, когда помоложе был. Как-то мы с женой Людмилой Семёновной ездили в Африку отдыхать по турпутёвке на две недели. Это же с тех пор и появилось ругательство – «Египет твою мать». Расскажу по порядку.

Летели мы в Египет самолётом из Москвы. Декабрь на дворе, мы, соответственно, в шубах и шапках, в зимних сапогах.

Прилетели в Хургаду после обеда. Пока прошли таможенно, то - сё, взопрели у меня ноги в зимних -то сапогах, шубы и шапки мы ещё раньше сняли, когда в самолёт селись. Выходим, значит, из здания аэропорта, ждём автобус. Мужики все в сандалетах, бабёнки в босоножках, все - в шортах, один я в сапогах да ещё в брюках и кальсонах, как положено зимой; наверху шерстяной свитерок толстой вязки, саморучно изготовленный супружницей. Солнышко сверху припекает, травка зеленеет на газонах, цветочки под пальмами глаз радуют. Вот тогда я и поверил, что попал в лето; сел на лавку под кустик и переобулся в свои «плетёнки», обувь такая у меня была раньше, а кальсоны потом уже снял в отеле, когда спать ложился.

Привезли нас на автобусе к морю, там недалече – километров двадцать будет. Разместили в отеле под названием царственным - «Принцесс Палас», палас – это дворец поихнему. Пока размещали, объясняли, что к чему, вечер наступил. Ну, думаю, пора и искупаться в Красном море, иначе, чего я пёрся за тридевять земель. Заранее у гида – араба насчёт акул поинтересовался.

- Не бойтесь, - успокоил тот.

Тогда акулы смиренные были, не то, что сейчас, а может, сытые - не знаю, но туристов не трогали.

Выглянул я в окошко, а кругом уже темнота, только фонари горят, хотя времени шестой час вечера всего поихнему, по - хургадски. Гид и говорит:

- У нас на Красном море ночью купаться не принято, спасатели не работают ночью, поэтому к воде не подходите, а то охрана может неправильно вас понять.

- Ну, - думаю, - и порядки тут у вас. Вот у нас на Чёрном море гораздо проще: только прилетели, сразу на пляж, надо отметить событие, и неважно, что вечер и темнеет тоже рано, имеем право на отдых по Конституции!!! А вы знаете, как это интересно: утром ещё мёрзли в Сибири, как цуцики, а после обеда купаемся в море. Ну, ладно, что - то я отклонился от главной нити повествования.

Короче, прогулялись мы по вечерней Хургаде для мотиону при свете фонарей, нагуляли аппетит, приходим в ресторан, а там - «шведский стол». Объясняю для непонятливых: большой круглый стол, а на нём разные бачки с едой, тазики с салатами, мясо отдельно, рыба отдельно, соусов и подливок - море. Берёшь большуущую тарелку и сам наваливаешь себе, чего душа пожелает и сколько сможешь осилить. Вначале я подумал, что шведы эти - дураки. Ан нет, они прикинули, сколько один человек сможет съесть, не обожравшись, и включили это в стоимость путёвки. Ну, что - то я опять отвлёкся от темы. В общем, накладываем тарелки, садимся за столик. Вокруг снуют официанты. Ну, думаю, сами должны догадаться, чего русским туристам не хватает в ресторане. Подзываю одного шустрого, показываю щелчком по горлу, дескать, пересохло, смочить бы надо. Не понимает.

- Водки тащи, - говорю, - морда нерусская.

А он мне: - No vodka.

У них, оказывается, в ресторанах спиртное пить не принято. Издеваются, как хотят, над нашим братом. Вот так мы в первый день и поужинали насухую.

Денька два мы обвыкались на новом месте. Комнату получили на втором этаже с видом на центральную улицу. Номер неплохой, двухместный, с душем и туалетом, жить можно. Проехались мы на автобусе по Хургаде, осмотрелись. Курорт этот тянется вдоль берега моря километров на десять, а может, и больше. По обочине дороги стоят отели с разными кричащими названиями, например, «Али-баба – бич». Вначале я подумал, что специально для наших «бичей», оказалось, наоборот, для «новых русских». За отелями располагаются парки с пальмами и аттракционами. Они выходят к морю, причём у каждого отеля свой пляж. Газоны и цветы обязательно поливают, а рядом – голый песок и мусор. Особенно меня удивил мусор на ничейной земле. Если возле отелей всё чистенько и прибрано, вечером разноцветные огни и музыка, то рядом такой срач!!! Полиэтиленовые бутылки и пакеты, наметённые ветром, лежат, как сугробы, возле каменных и кирпичных заборов.

Остановились мы у какого-то магазина. Гид говорит:

- Покупайте карточки, кто хочет позвонить домой.

В то время сотовые телефоны были ещё большой редкостью. Купили мы эту карточку, подходим к таксофону, а он прямо на улице, и рядом, в двух шагах, машины носятся, гудят и сигналият, шумновато...

Набираю номер, звоню в Шарыпово.

- Так, мол, и так, - говорю, - в Африку добрались благополучно, отдыхаем, как положено.

- А где эта Африка? - спрашивают меня по телефону.

- В Египте, - отвечаю, не раздумывая.

Я от волнения аж всё перепутал местами.

После обеда двинулись мы на пляж. Миновали парк, а дальше какая-то большая и длинная лужа тянется. Лужей я назвал этот водоём, потому что дно видно, глубина - то - мне по пояс будет. Ну, а некоторым ещё ниже. Как потом оказалось, в этой луже обучают начинающих серфингистов – пофигистов. Ну, это которые на доске под парусом пытаются устоять против ветра. Между прочим, сноровка нужна, ого - го какая!!! Спросите мою Семёновну, она пробовала, не даст соврать. Опять отвлёкся маленько. Так вот, идём мы к пляжу, я по сторонам глазею. Глядь: под пальмой помидоры зелёные растут, несколько кустов. Кто их там посадил и для чего, не знаю. Подхожу поближе, точно помидоры и все, как один, зелёные. Я догадался: видно, только краснеть начинают, их тут же русские туристы на закуску и срывают.

Потом к этим помидорам я подходил почти каждый день, но красных за две недели ни разу не видел.

Короче, выходим мы на берег Красного моря, на пляж, то есть. На песочке возлежат наши туристы. Одни на лежаках греют задницы или животы под зимним солнцем, другие под «грибками» в тенёчке пиво дуют. А солнце зимнее и в правду не жаркое, ей - Богу, ни разу я там не вспотел, к тому же постоянно дует ветер с берега в сторону моря. Волны нет абсолютно. Тишь, гладь и Аллаху благодать, как говорится. Про шторм и заикаться нечего, нереальный он для тех мест. Зато бывают приливы и отливы, высотой примерно на полметра. Это заметно на бетонном пирсе.

Жена моя как-то на этом пирсе рыбалку учинила или охоту, не знаю, как правильно назвать затею. Во время прилива в дырку на бетонном пирсе залезла мурена, зубастая такая рыба, хорошо хоть маленькая, сантиметров тридцать в длину, но зубы конкретные. Начался отлив, а мурена осталась и выглядывает из норки. Супружница моя давай кор-

мить её из рук, пихать ей в морду всякие вкусности. А та жрёт, как ни в чём не бывало. Как та мурена только палец ей не откусила, не знаю, а могла бы!

Искупались мы в первый раз в ихнем Красном море, ничего так, пойдёт. Правда, у нас на озере Учум и вода посолёней, и волны повыше бывают, но это уже на любителя. Растянулись на лежаках. Загораем поверх сибирского загара... И вы знаете, поверите или нет, обгорел я маленько и частично облез даже, когда уже вернулся домой.

Лежу, значит, по сторонам зыркаю. Вокруг люди порусски говорят, как будто и не заграница даже. Смотрю: метрах в трёх от меня кверху пузом лежит баба, женщина, в общем, а груди загорелые и ничем не прикрытые. Купальщица эта годов сорока и в теле, не худенькая, титьки соответствующие, а рядом дети малые спуют. Стыдобища!!! Мне и то неудобственно стало, чужую полуголую женщину первый раз близко увидел наяву, не в кино; покраснел, наверное, а ей хоть бы хны. Потом узнал, что такая «позиция без амуниции» для загара «топлесс» называется.

А ещё один эротический случай был попозже, через неделю примерно. Захотелось нам с Семёновной рыбки отведать местной красноморской. На пляже есть открытый ресторанчик. Заказали мы рыбы жареной, сидим – ждём под тентом. Рядом за соседний столик подсели парень с девкой. Парень, видно, не русский, я решил, что немец, а девка – наша, русская. Оба навеселе. Парень в плавках и девица тоже. Но эта хоть молодая, с грудями тугими и не обвислыми, есть на что посмотреть. Сидят и разговаривают по-английски, медленно подбирая слова; даже я понял, что не англичане они. А обслуга ресторанный, как на подбор, все молодые парни - арабы, слюни развесили ажно до пупа от перевозбуждения. У них, мусульман, обычаи строгие – до свадьбы можно только с ишаком. Это я опять отвлёкся что–

то. Так вот, супружница дорогая, увидев мою заинтересованность парочкой за соседним столиком, убедительно попросила меня пересесть к ним спиной, чтобы «не косил свои глазищи на девичьи прелести». Парень с девахой той пивка попили и ушли в обнимку в отель. А молодые арабы ещё долго восхищённо гоготали, завидуя европейцам.

Покупались мы, в первый раз позагорали часика два под южным солнцем, пошли назад. Я всё по сторонам озираюсь. Невдалеке стоят какие-то вигвамы с крышами из желто-серого тростника. Подходим поближе, а это, оказывается, сделано, чтобы отдыхающим от солнца прятаться и, вообще, мы заперлись на чужую территорию. Рядом отель для немцев и «фигвамы» для них понастроены, а забора нет почему-то. В последствие мы узнали, что в Хургаде отдыхают в основном россияне и немцы, правда, был у нас один голландец, так он прилетел из Сибири вместе с нами, из Нижневартовска или Ноябрьска, точно не помню. Между прочим, египтяне не любят больше всего евреев и англичан, хотя по-английски на курорте понимают все местные жители. Ну, евреев, понятно, за что терпеть не могут, а англичане раньше тут были колонизаторами и лет двести измывались над бедными арабами. Кстати, замечу, пока не забыл, в Египте не только арабы живут, и не только мусульмане, 10% населения – христиане, копты называются. Много там турок, а на юге, ближе к Судану, нубийцы проживают, чёрные, как негры. Об этом я попозже расскажу, если подождёте.

Ещё эпизодец занятный был. Жена моя, Семёновна, то бишь, экстремалка с раннего детства, увидела на пляже верблюда, да и сразу, как говорится, быка за рога, захотела покататься на этом «корабле пустыни». Спрашивает араба в «арафатке»:

- Как кличут животное?

А тот: - Оскар, - говорит.

- А тебя как звать?

- Оскар.

У них верблюдов, видно, называют так же, как хозяев, чтобы проще было запомнить и не перепутать.

Если мне не изменяет память, на четвёртый день у нас с Семёновной предстояло плавание «по Нилу за двести баксов с рыла», трёхдневный такой круизик на белоснежном теплоходе.

Забрали нас утром из «Принцесс Паласа» и повезли на автобусе в Сафагу. Этот небольшой городок на побережье является перевалочным и сборным пунктом для путешественников от Красного моря через пустыню к Нилу, до Луксора, а также для паломников к святым местам в Саудовскую Аравию. Ехать предстояло более двухсот километров. Когда в Сафаге на специальной площадке собралось десятка полтора автобусов да ещё несколько легковых машин, под конвоем полиции все тронулись в путь. Название «конвой» придумал не я, это официальное название. Без конвоя полицейские на блокпосту не выпускают в пустыню никого. Делается это по двум причинам: во-первых, на автотрассе до Луксора вообще нет населённых пунктов; во-вторых, так повелось со времён арабо-израильской войны шестидесятых годов.

До Луксора добирались мы часа три - четыре. Одна остановка на пятнадцать минут всё-таки была. Есть на трассе придорожная забегаловка с туалетом. Там можно купить прохладительных напитков и облегчиться. Облегчился по-маленькому и я. Иду назад к автобусу: кошки сидят кучкой и все разноцветные. Что-то в их облике мне показалось необычным. Пригляделся повнимательней: ага, у кошек высокие уши по сравнению с нашими «мурками». А так, вроде бы кошки, как кошки, и мяучат так же, и «кис-кис» понимают; я специально проверил. В Египте кошки - священные

животные, как в Индии – коровы, вот они и котятся, как ходят и где попало.

Езда в туристическом автобусе комфортная: кондиционер, видик, биотуалет, стёкла тонированные. Хочешь – смотри в окно, хочешь – фильм по видею, естественно, русский, время бежит быстрее. У нас тогда таких автобусов не было. Природа из окна выглядит уныло. В начале пути просто пустыня – песок и камни. Асфальт – прямой и ровный, никаких тебе выбоин, заплаток и кочек нет. Получается: уложили асфальт один раз и лежит он десятки лет безо всяких ремонтов, никто его не перекапывает, не ляпает заплатки и, что интересно, на солнце при летней температуре в сорок градусов в тени он тоже не плавится, значит, технологи блюдут арабы. Признаюсь, обидно мне стало за наши русские дороги и за нас – дураков. Единственная зацепочка для оправдания в Египте насчёт дорог – это отсутствие дождей и морозов. В том году, талдычил гид, дождей на Красном море и конкретно в Хургаде не было ни одного.

Вдоль дороги, по которой мы ехали, местами зеленела трава в ямках и попались два - три каких-то кустика, похожих на деревья, а в остальном песок и камни, как я упомянул выше. Где песок ветром сдуло, торчат камни. Траву заметил не только я и последовал вопрос gidу. Оказалось: вдоль дороги от Нила до Красного моря тянется водовод. В ямках вдоль дороги почва не так накаляется, вот травка и проклюнулась, и зеленеет себе на здоровье. На побережье пресную воду ещё получают из морской воды через специальные опреснители. Так и живут, бедненькие.

Постепенно маленькие горы на горизонте превратились в большие. Дорога шла без спусков и подъёмов. Она просто петляла довольно плавно между гор. Горы же абсолютно голые, как и пустыня. Вдалеке возле них виднелись наметённые барханы песка.

- Жутковато тут остаться одному, - подумал я, - особенно летом.

И, забегаю вперёд, расскажу случай, который произошёл на обратной дороге из Луксора в Хургаду.

Автобусы подкатили к единственной остановке, которая имеется на трассе. Туристы попили водички, справили по-быстрому естественные надобности и уселись в автобусы на свои места. Одна старушка из нашего автобуса запаниковала: нет её соседки. Бабка – в слёзы, подняла шум, кричит гиду, чтобы искали её напарницу.

Дескать, она не позволит бросать человека в пустыне. Все туристы в автобусе тоже разволновались. Гид побежал искать потерю и нашёл старушеницу в другом автобусе. Она, видно, в туалете подзадержалась, а потом заскочила в первый подвернувшийся транспорт. Из-за неё «на уши» был поставлен весь конвой. Как же, а вдруг террористы выкрали человека! И вы бы ещё посмотрели, как обнимались при встрече и плакали старухи, когда « блудница» вернулась на своё место!

Наконец, горы исчезли из видимости, и перед нами предстала долина Нила, этой великой реки, где несколько тысяч лет назад зародилась египетская цивилизация. Вокруг все позеленело. Вдоль дороги насажены кустарники, которые цветут круглый год, а в небо устремились высокие пальмы.

Доставили нас до Луксора. Повели в кафе пообедать. Проходя между столиками, я обратил внимание, что египтяне за едой пьют баночное пиво. Ну, думаю, вот и попались, голубчики! Пригляделся, ан нет, на банках нули нарисованы. Пиво-то – безалкогольное! Хочется им пивка, но страх перед всевидящим Аллахом сильнее.

Отобедал я по-быстрому, ведь недаром на работе в то время относился к оперативному персоналу. Выхожу из

кафе на улицу: у обочины в тени стоит наша «Нива», автомобиль, конечно. Обошёл я вокруг, точно, «Нива», да и написано «Niva». Подходит египтянин, хозяин машины, а меня так и подмывает заговорить с ним.

А сам думаю про себя: - Что толку, что в школе английский учил, разговорной-то практики нет никакой!

Я поднял на правой руке большой палец вверх и говорю:
- Good avto.

Египтянин кивнул головой. Я не помню, как объяснял ему, что в России у моего брата точно такая же «Нива». Не знаю, понял он или нет, но после небольшого диалога мы с ним перешли к вопросу о стоимости авто. Я написал на листке бумаги цену в России в долларах, а он - цену в Египте. Оказалось, что машина у них раза в полтора дороже. Оно и понятно: за морем телушка – полушка, да рубль – перевоз.

После обеда попали мы на берег Нила. Гид объявил, что сейчас состоится экскурсия на остров.

- На остров, так на остров, - подумал я.

Подходим к воде, а она ядовито - зелёного цвета. Её туристам даже трогать запрещено, да и не хочется. Нил, скажу вам, река широкая, врать не буду, примерно, как Енисей в Красноярске. Посадили нас в парусную лодку, «фелюга» называется, человек десять влезло. Араб в длинном балахоне до пят, типа женской ночной рубашки, полез на мачту расправлять парус. Что самое интересное было при этом? Ни в жизнь не угадаете. Все туристы, как мужики, так и женщины, заглядывали ему под развевающийся подол с одной мыслью – есть ли на нём трусы. Особенно при этом волновались женщины. А были трусы или нет, сейчас не помню.

Доплыли мы до острова. Я всё время приглядывался к воде: вдруг среди волн мелькнёт крокодила морда, хотя гид нас заверил, что здесь их нет, все крокодилы живут вы-

ше Асуана. А вдруг один остался? Увы, не повезло крокодилам.

Высадились на остров. Он, примерно, как остров Отдыха в том же Красноярске. Благоустроили его ещё англичане – колонизаторы. Насаждали различных африканских деревьев и кустарников. Кстати, в Египте я вообще не видел диких деревьев. По берегам Нила растут дикие кусты и пальмы разных видов. А почва какая-то серо-жёлтая, глинисто-песчаная (илистая), у нас такой нет. Английский парк на острове просто сказка! Цветущие кустарники и незнакомые цветы создают подобие рая. Под высокими деревьями немного сумрачно, больше подобного великолепия природы я в Египте не встречал.

Идём с моей Семёновной по аллее, слышу знакомый птичий голос, но не вижу певца. Огляделся по сторонам: на кустике сидит наш скворец и поёт, как будто весной у нас на родине, выдаёт всякие трели с коленцами. Я даже прослезился: как ты тут, милок, на чужбине, а ведь весной ещё домой лететь за тыщи километров предстоит!

Назад с острова нас везли на катере, а я всё всматривался в зелёную нильскую воду...

Название теплохода, на котором мы круизировали вверх по Нилу, увы, я не запомнил. Да и не это главное. В бело-снежном красавце - теплоходе каюта нам досталась двухместная, естественно, с душем и туалетом. Днём теплоход плыл по Нилу, туристы разглядывали берега, купались в бассейне на верхней палубе. Вечером после ужина развлечения в специальном зале – выступления местных танцоров. Ночью швартовались к берегу и так стояли до утра.

Однажды вечером на теплоходе наш сосед и земляк Сая, валютчик из Новосибирска, подвыпив в баре, решил развлечься и заказал проститутку. При этом он категорически предупредил бармена, чтобы была местная путана и

«фуфло не подсовывали». Двое арабов взяли задаток в двести баксов, Саню с собой и отправились на поиски в город, но через час вернулись ни с чем - напуг у них реальный с работницами древнейшей профессии! Деньги Сане вернули полностью.

К вопросу о честности и порядочности. Как - то, вернувшись из плавания по великой реке, Саня крепко подпил в баре отеля и спал, как говорится, без задних ног. Утром мы с моей Семёновной зашли за ним по пути на завтрак, растолкали. Саня стал одеваться, машинально пошарив по карманам, и озабоченно произнёс, что пропали все деньги. Дело пахло керосином! Он не помнил, как добрался ночью до койки и в номере спал незакрытый. На наших глазах Саня в какой раз перетряхивал вещи и выворачивал карманы джинсов. Увы, денег не было. Мы его успокаивали - тур с двухразовым питанием оплачен, билеты на обратную дорогу до Новосибирска есть, паспорт целый. Он в порыве отчаяния предложил нам купить у него платок, который предназначался в подарок для матери. В какой-то момент Саня открыл прикроватную тумбочку – в ящике аккуратно лежали все его деньги. Он клялся, что не клал их туда. Значит, это сделали арабы из obsługi отеля, его сопроводившие в номер.

Берега Нила невысокие, хочу вам заметить, метров пять, не выше, поросшие кустарниками. Кое-где виднелись пальмы, срамные на вид, с неподстриженными снизу сухими листьями. А в основном по берегам раскинулись поля. Что меня поразило в ихней агрономии, так это что на одном поле взошли посевы, рядом полоска с поспевшим урожаем, следующее поле пахут на тракторе или на буйволе сохой, как на картинке из учебника по истории за пятый класс, четвёртое поле рядом убирают и т.д. Круглый год сажают и собирают урожай. Сам Нил петляет по своей долине, местами

подходя к горам близко, иногда удаляясь до двадцати километров в сторону пустыни. Я часами сидел на верхней палубе, созерцая эту ирреальность.

На следующий день на теплоходе я почувствовал с утра какое-то беспокойство в животе, зачастил в туалет, благо, он в каюте. Отправил жену за помощью и сам, не теряя времени, пошёл побираться по соседним каютам, хорошо – туристы все русские. Заглянул к женщинам: - Так, мол, и так, не дайте помереть засранцу позорной смертью на чужбине! Те надавали мне таблеток, проинструктировали, как принимать. Жена тоже принесла лекарств из мужской каюты, от наших соседей по столу в ресторане.

Вечером эти мужики меня выманили на ужин, посочувствовали, пытались успокоить и настояли, чтобы я выпил два «дринка» водки в качестве лечения. Узнав цену водки, я чуть не захлебнулся, но здоровье дороже. А главное – помогло! И на следующий день я про себя радовался, что, слава Богу, пронесло, в смысле, болезнь отступила.

На четвёртый день теплоход подошёл к Асуану. Мы отправились на экскурсию. Асуанская плотина выполнена необычно: со стороны водохранилища (его называют озеро Насер в честь тогдашнего президента) плотина обыкновенная, а вот другая сторона - пологая, можно сесть на задницу и съехать, шероховато, правда. Для молодёжи напомню, что Асуанскую ГЭС строил СССР и она даёт около 70% электроэнергии в Египте, давала, во всяком случае, в старое время.

Побывали мы в городе, сходили на рынок. Пока я выяснял у араба, почём он продаёт картошку (картошка, кстати, нормальная – не мелкая), из-под соседнего прилавка выскочила крыса и побежала вдоль рядов. Базар оживился, все заулюлюкали. Некоторые погнались за крысой, другие

начали кидать в неё, чем попадая, в общем - цирк. Крыса благополучно слиняла.

Асуан запомнился мне ещё обилием чёрных людей, нет, не негров. Местные жители называются нубийцы, пустыня такая рядом расположена. Они похожи на нас: есть носы круглые, есть носы острые, только люди тёмно-коричневые, схожие с эфиопами. Молодого парня на рынке, у которого мы с женой купили футболку для своего сына, можно назвать красивым: у него правильные европейские черты лица, длинные ресницы, привлекательный и неотталкивающий вид, но он как будто сажей намазан.

Через трое суток путешествия по Нилу мы вернулись из Асуана в Хургаду на автобусе. Нас с Семёновной поместили почему - то в другом номере отеля, окна теперь выходили не на улицу, а во двор. Через день мы продолжили поездки на другие экскурсии, каждый день всё-таки утомительно!

В Луксоре посетили Долину Царей. Там раньше хоронили фараонов, а не в пирамидах вовсе! Оказывается, большинство фараонов замуровано в пещерах, специально вырубленных для этого в скалах. Входы при этом были тщательно замаскированы в древности. Гробница знаменитого фараона Тутанхамона тоже там. Её нашли не разграбленной, как исключение. Длинные наклонные ходы пещер сейчас освещены и постоянно вентилируются, иначе жарко, а это глубоко в скале. Меня поразили росписи на стенах и на потолке. Краски нисколько не выцвели за тысячи лет. С одной стороны, понятно — постоянная температура, сухо, нет солнца, но всё же... По Долине Царей туристов возят до гробниц на электромобилях, чтобы не было гари и копоти.

Недалеко от Луксора находится Карнакский храм. Сейчас это стены, колонны, скульптуры, а перекрытий почти нет, упали от землетрясений. Всё такое огромное! Даже в наше

время мощных кранов для подъёма таких тяжестей трудно найти!

Совершили мы с моей Семёновной ещё несколько примечательных экскурсий. Условие я сразу поставил такое: экскурсии эти - не каждый день, а через день, чтобы в море накупаться вдоволь.

Вывезли как-то нашу группу в море, к пирсу – не пирсу, понтону – не понтону, но от берега далекоавосто будет, километров семь. А там, на этом понтоне, в пустых аквариумах муляжи разных диковинных рыб: мурены и другие страшилища. Наверное, заранее туристов запугивают. Загрузили нас в батискаф для подводного путешествия. По бокам у него большущие иллюминаторы, сзади видно, как винт крутится. Стали погружаться под воду. Музыка играет, всем весело. Гляжу, подплывает аквалангист с сумкой, а за ним рыбы гонятся стаяй, да крупные все и серебристые, а некоторые чёрные, как кошки. Он давай этих рыбин кормить из рук прямо перед иллюминаторами. Те жрут культурно, не кидаются, воспитанные, видно.

Через несколько дней мы с супругой решились на погружение с аквалангами. Группу смельчаков, человек двадцать, вывезли на том же катере в открытое море на специальную «банку», то есть мель. Вначале русский инструктор провёл краткое обучение со всей группой. На вопрос: - Кто имеет подводный опыт? - я ответил, что прошлым летом плавал с аквалангом на озере. Окружающие посмотрели с уважением.

Всех облачили в костюмы, подогнали амуницию. Нырять стали попарно с инструкторами-арабами, на каждую пару «ихтиандров» - свой инструктор. Некоторые женщины, когда подходила их очередь, в последний момент отказывались, но моя не такая! Одна бабёнка закатила истерику на

палубе, словно её силком пихали в море. Ну, трусишь, так сиди и трусь дальше, чего орать – то!

Подошла наша с Семёновной очередь. Какой-то матрос рыжей наружности, говорящий по-арабски, оглядел меня и прицепил на мою грудь свинцовый груз, чтобы под водой обеспечить нужную плавучесть, и с весом он, видно, перестарался. Я первый спустился по лесенке до воды и, уцепившись одной рукой за тросик, соскользнул в морскую пучину. Не успев опомниться, оказался на дне, при этом ободрал, как сейчас помню, левый локоть о кораллы. Ко мне сверху устремился араб – инструктор. Он показывал пальцами условные знаки, означавшие: о-кей или поднятие вверх? Локоть особо не болел, под водой крови не видно. Я быстро сообразил, что лучше показать о-кей, а то придёт конец только что начавшемуся подводному путешествию, но, как на грех, забыл нужную фигурацию пальцев. Судорожно соображая, из большого и указательного пальцев слепил букву «о». Араб успокоился. Следом спускалась аккуратно моя Семёновна. Мы с ней с обеих сторон, как учили, подхватили инструктора под руки и поплыли вдоль кораллового рифа на глубине пятнадцати метров. То ли от большой глубины и, как показалось мне, мутноватости, а всего верней от озабоченности, особой красоты кораллов и цветных рыбок в тот раз я не ощутил. И озабоченность была: вода постоянно просачивалась под маску и доходила до уровня глаз, а это - неприятно, её приходилось периодически выдвухивать наружу резким выдохом, приподнимая край маски. Дышать всё время под водой нужно равномерно, за этим приходится следить специально. Ко всему вышесказанному, саднило ободранный локоть. Сейчас, по прошествии лет, я бы прежде подумал: стоит ли из-за чего-то рисковать жизнью на глубине? Но молодость есть молодость. Сделав круг вдоль кораллового рифа, мы поднялись на па-

лубу героями, почти как Юрий Гагарин, не меньше. Адреналин!!!

Забегая на несколько дней вперёд, сразу расскажу про Эль-Гуну. Эль-Гуна – небольшой мелководный заливчик, полкилометра, не больше, и глубиной два - три метра. Вот там-то я и вдоволь налюбовался разнообразными кораллами и разноцветными рыбками!

Приехали мы туда на авто с гидом - две семейные пары примерно одинакового возраста. Получили обыкновенные ласты, маски и трубки для ныряния, и вперёд, в воду, наслаждаться красотой. А смотреть там действительно есть что! Кораллы на мели ограждены верёвочками на поплавках (чтобы разные балбесы не лезли ломать), а аквариумные рыбки плавают так близко, что можно дотянуться рукой, они-то ограждений не понимают. Видно всё отлично и никакой опасности для здоровья! Лепота! Описывать виды и цвета кораллов и рыбок смысла не вижу, это надо видеть лично, а по телевизору все видели эту красоту!

Припоминается «сквозь дымку годов» сафари на джипах в пустыню к бедуинам. Происходило это так: после обеда группа туристов, мы с супругицей моей в их числе, на нескольких «Ленд Крузерах» двинулись из отеля на запад по пустыне в сторону далёких гор. Путь предстоял около двадцати километров по бездорожью. Никаких барханов поблизости не было. Песок под колёсами не сыпучий, твёрдо спрессованный ветрами, везде валяются камни, попадались и довольно крупные, с конскую голову. «Крузеры» не такие роскошные, как у нас в России, а простые повседневные джипы: впереди – водитель с гидом, сзади – две жёсткие лавки, на которых размещаются по три пассажира на каждой, крыша имеется; если кто помнит ГАЗ-69, то примерно одинаково. Через полчаса «болтанки» - нас хотели, видно, удивить, но не на таковских нарвались - приехали

мы в бедуинскую деревню, расположенную в долине между красновато-коричневых гор. Бросились в глаза какие-то хижины, покрытые сверху тростником, загоны для скота, бродившие козы; стояли привязанные «корабли пустыни». Первым пунктом программы для туристов явилось катание на верблюдах. Вот тут-то и началось!

Мне досталась животина светло-серой масти, а рядом на коричневого верблюда поместили какую-то девчонку лет двадцати. Погонщик взял под уздцы обоих верблюдов, и мы тронулись в путь по этой самой пустыне. В седле между горбами сидеть можно, но особого кайфа я не испытал, наоборот, сидел напряжённо. На середине пути соседний верблюд остановился, справил малую нужду и неожиданно начал скакать на месте, высоко подкидывая зад. Девчонка вылетела из седла и попала ему под ноги. Верблюд прыгал, как бешеный, разбрасывая слюни и пену. Погонщик бросил поводья моего «горбача» и пытался усмирить разбушевавшегося. Девчонка отползла в сторону, вскочила на ноги и истерично кричала. Я сидел на верблюде «ни жив – ни мёртв» и не дышал. Мысли в голове вертелись беспокойные: вдруг бешенство передастся моему верблюду. Но обошлось, видно, болезнь была не заразная. Нервный придурак успокоился. Подбежали другие погонщики и гид, что-то лопотали между собой и про меня забыли. Они предложили напуганной туристке, убедившись, что она не пострадала, продолжить верховую прогулку. Та категорически не согласилась. Я в гордом одиночестве (с погонщиком) доехал до конечной отметки и вернулся к старту. Когда благополучно слез на землю, облегчённо вздохнул и вытер пот со лба, выступивший то ли от солнца, то ли от переживаний. С тех пор на верблюдах не катаюсь и вам не советую.

Мы вернулись в деревню к бедуинам. Вечерело...

Провели нас по деревне, показали нелегкую жизнь аборигенов. Бросилось в глаза почти полное отсутствие растительности, лишь пара чахлах кустиков на песке и всё! Естественно, закрался вопрос: чем кормят скотину? Непонятно. Остановились у единственного колодца. Я заглянул и отметил глубину на глаз – метров десять, не меньше и про себя подумал: - Как нашли место залегания воды?

Далее наша группа «пешкодралом» отправилась в горы провожать солнце. Минут пятнадцать мы поднимались по тропинке на скалу. Взобрались вовремя – солнце заходило за горы. Всё вокруг и без того днём красно-коричневое превратилось в кроваво-багровое! Зрелище! Очарованные красотой, спустились мы в деревню.

После захода солнца стало прохладно, к тому же зима... Проголодавшихся туристов кормили под навесами какой-то местной едой и при свете костра (где взяли дров?) развлекали народными плясками и песнями. Бедуины показали свою местную долгожительницу, клятвенно утверждая, что ей сто лет. Хотел я спросить паспорт, но в силу природной своей стеснительности не рискнул, да к тому в арабском не силён. Деревенские жители все в халатах, головы замотаны тряпками, все, как на подбор, какие-то мелконыкие. Не понравились они мне, эти бедуины. У нас любой распоследний забулдыга гораздо приятнее выглядит! А может, во мне национализм разыграл?

Назад в отель возвращались по темноте, часов в восемь. В «Крузере» нас сидело шестеро туристов на двух лавках сзади за водилой. Светила полная луна. Джип выбрался из пустыни на асфальт и тут началось: водитель – араб решил повыпендриваться. Он выключил фары и при лунном свете завил по шоссе, благо, встречных машин не попадалось. Наши девки визжали от восторга или страха, от чего больше - не знаю. Водила на букву «М» старался ещё круче выпол-

нять виражи. Я вцепился изо всех сил в сиденье и помалкивал. Да и возмущаться было бы бесполезно. До отеля добрались живые и на том спасибо, как говорится.

И вот, наконец, подошёл черёд самой главной экскурсии, той, ради чего я и поехал в Египет – это пирамиды. От Хургады до Каира, где в предместье под названием Гиза находятся великие пирамиды, ехать четыреста с лишком километров по шоссе. Нас, желающих посмотреть своими глазами на чудеса света, разбудили ночью, в половине третьего, и вместе с подушками погрузили в автобус. Пока за окнами проплывала темнота, все дремали до рассвета. Дорога петляла вдоль берега Красного моря и уходила на север. Постепенно рассвело. Я принялся за наблюдение окрестностей. Проезжали мы даже мимо женского пляжа. Оказывается, египтянки купаются в платьях, одни и без мужиков. Ещё запомнились ветряные электростанции. В пустыне, на большом каменистом поле, стоят высокие мачты, несколько десятков, а наверху медленно вращаются огромные трёхлопастные пропеллеры. При этом ветер постоянно, как я уже говорил ранее, дует из пустыни в сторону моря. Электричество почти дармовое!

Где мы пересекали Суэцкий канал, я не запомнил. К обеду автобус доставил нас, туристов, в Каир. Проехали по мосту через Нил на другой берег и добрались до Гизы. Каир, я вам должен доложить, город большой и Нил – широкий, мне показалось, что поширше Енисей будет. После краткой лекции осмотрели знаменитого сфинкса, и естественно, возле него сфотографировались. Оказывается, сфинкс был за тысячи лет заметён песком по самую шею. Арабы стреляли в него из пушки и повредили лицо – отбили нос. Дикари! А раскопали его не так давно. Лучшее всего сохранились лапы, на них осталась древняя облицовка гладкими каменными плитами. Но прикоснуться к ним мне не удалось – нельзя.

Три Великих пирамиды находятся на удалении около километра от сфинкса. На автобусе нас довели до пирамиды Хеопса. Гид объявил, что даётся тридцать минут на осмотр, желающие могут подняться по лестнице и пройти внутри по коридорам, но смотреть там особо нечего, росписей нет. Я смекнул, что забираться в пирамиду - время тратить не стоит, а лучше погулять вокруг и сделать снимки на память. И не прогадал: наши туристы, потратившие время и силы на лазанье внутри, были разочарованы мрачными коридорами. Пирамида Хеопса - самая крупная и впечатляет вблизи своим видом и габаритами. Потрогать руками блоки, из которых она сложена, нельзя, не подпускает охрана. Но моя Семёновна уговорила одного полицейского и спозировала для фото, вплотную прижавшись задом к пирамиде. Что она ему пообещала, я не расслышал, но представитель власти разрешил приблизиться к древности, а сам стоял и улыбался. Пирамиду мы разглядели досконально. Она сверху облицована полированными плитами, а снизу просто сложена из огромных каменных блоков, грани которых отнюдь не ровные, но зазоров особо не видно. Время не щадит их!

Затем автобус вывез нас в пустыню, чтобы издали полюбовались видом сразу трёх пирамид. Мы стояли на специальной площадке, дул сильный ветер, и было прохладно. По небу плыли низкие облака, которых не бывает на Красном море. Гид сказал, что вчера здесь был дождь. Интересно, в пустыне - дождь. Всё-таки север Африки. Так - то вот! Арабы предлагали катание на верблюдах и лошадях, но желающих не находилось.

Следующим гвоздём программы стало посещение Каирского исторического музея. Запомнился полумрак залов, минимум искусственного света, это специально, чтобы не вредить бесценным экспонатам. Посетители музея - со всех концов земли, не вру, ей-богу, европейцы, азиаты, негры.

Наяву я такого разношёрстного народу никогда не видел. Мне лично больше всего запомнились и понравились сокровища фараона Тутанхамона. Его золотая маска, известная ещё со школьных времён, находится под колпаком из пуленепробиваемого стекла. Разного барахла из гробницы Тутанхамона, находящейся в Долине Царей (Луксор) доставили и привезли немало, всё в целости и сохранности. Но мне особенно приглянулась фараоновская раскладушка, да-да, детская деревянная раскладушка, аналог современным металлическим! Ужас, как интересно в этом музее! Кстати, по телевизору передавали, что после свержения президента Мубарака в 2012 году музей разграбили мародёры. Жалко, конечно....

На этом заканчивалось наше двухнедельное пребывание в Египте, приблизился финиш путешествия по историческим местам древнейшей цивилизации мира.

Существует такая гипотеза, и у неё имеются серьёзные основания: первые жрецы в Древнем Египте были белые люди, вероятно, славянского происхождения. И они научили диких египтян всему лучшему, что умели сами в то время. Задумайтесь: в Древнем Египте имя Бога Солнца – «РА» и у древних славян и ариев – тоже «РА», река Волга тогда называлась «РА». Это всё не случайно, случайностей не бывает!

Двадцать второго декабря 2002 года мы с супружницей моей днём самолётом вылетели из Хургады в Москву. Там пересели в другой самолёт и двадцать третьего оказались в Новосибирске. Оттуда поездом утром двадцать четвёртого числа добрались до Ачинска, затем автобусом после обеда прибыли домой в Шарыпово. Вечером собрались родственники, нашему сыну, как-никак, исполнилось в этот день восемнадцать лет, мы вовремя вернулись. Весь вечер допоздна показывали видео, фото и рассказывали, рассказывали...

Лидия НОВОСЕЛОВА

КАРПЫЧ

Мой отец, Михаил Карпович Неверовский, о том, как воевал, рассказывал редко. Может быть, потому что у нас, его дочек, пока росли и учились в школе, были другие интересы. Да и в те далекие, пятидесятые, участники Великой Отечественной войны были почти в каждой семье и больше почитались самые героические, о которых писались книги, сочинялись стихи. А отец считал себя рядовым воином - солдатом, как тысячи других, потому рассказами о войне делился, в основном, с братом Андреем да с друзьями по работе, тоже воевавшими.

Родился он 10 сентября 1921 г. на Украине, в с. Глебовка Киевской области, куда моего деда, Карпа Гавриловича, партия направила председателем колхоза. И если старший сын, отличник Иван, был примером в учебе и дисциплине, закончил десятилетку и поступил в военное училище в Новосибирске, то Михаил был неуправляем, учиться не хотел, зато от техники на колхозной МТС его нельзя было оторвать. Матушка, Арина Трофимовна, розгами загоняла неслуха-сына в школу, отец же с раннего утра до ночи находился на работе, поднимал колхоз. Спасением в воспитании подростка явился его призыв на службу в армию в 1939 году. Служба Миши проходила в Сибири, в пехоте. Освоил он профессию водителя машины, и когда началась война, из солдат, не дослуживших более полутора лет, был сформирован Сибирский полк, который направили в ноябре 1941 г. в Москву на парад в честь Великой Октябрьской Революции. Не пришлось Михаилу маршировать на этом параде: при подъезде к столице эшелон машин был обстре-

лян фашистами. Снаряд попал в автомобиль, который вел он. Тяжелая контузия с продолжительной потерей слуха надолго уложила солдата в госпиталь. По выздоровлении Михаил был направлен на ускоренные курсы танкистов и уже осенью 1942 года попал на Второй Белорусский фронт под командование маршала К. Рокоссовского, в танковую бригаду, с которой и воевал вначале механиком - водителем танка, а впоследствии командиром бригады. Его танковая бригада освобождала от фашистов Болгарию, Австрию, Венгрию. Уже в Германии, под Кенигсбергом, при подрыве танка, старшина Неверовский получил сразу два ранения: сквозное в плечо, с повреждением легкого, и осколочное в бедро, с повреждением кишечника.

Победу в мае 1945 года Михаил Карпович встретил в госпитале. По выздоровлении солдат был направлен в нашу танковую часть, базировавшуюся в Болгарии, где еще прослужил до осени 1948г. В ноябре вернулся воин в родительский дом в д. Березовка Зейского района Амурской обл.

Его старшего брата Ивана, старшего лейтенанта - разведчика, с войны не дождалось: пропал без вести. Младший брат Андрей вернулся с Японской живым, а сестра Наташа уже училась в Хабаровске. Она по окончании десятилетки поступила в мединститут.

Братовьям приглянулась девчонка Василинка из большой семьи Кожемякиных, в которой отец перед войной оставил восьмерых детей. Семья их была хоть и бедная, зато дружная и работающая. И, несмотря на то, что брат Андрей уже ухаживал за юной невестой – красавицей, статный, светло-русый танкист покорила ее сердце. В мае 1949-го, в четвертую годовщину со дня Великой Победы, молодые люди сыграли свадьбу.

Михаил устроился на работу по сплаву леса по реке Зее. Василину колхоз направил на курсы бухгалтеров – счетоводов в районный центр в г. Зею, по окончании которых она работала счетоводом в колхозе. В 1950 году семья увеличилась - родилась желанная доченька Лида. А спустя четыре года после рождения второй дочери семья переехала на крупную узловую станцию Магдагачи Забайкальской железной дороги, где Михаил Карпович проработал вначале механиком гаража в местном автопредприятии, а затем более 25 лет, до выхода на пенсию, в военизированной железнодорожной части старшим стрелком по охране железнодорожных составов. Карпыч (так к тому времени величали ветерана товарищи по работе, друзья и соседи) был грозой любителей поживиться перевозимыми грузами и раскрыл немало хищений из железнодорожных составов. Жена Василиса Даниловна тоже устроилась на работу в локомотивное депо, в отдел статистического учета, где проработала до пенсии.

В семье все ладилось, выстроили своими силами дом. Дочки хлопот не доставляли, хорошо учились в школе, поехали в Хабаровск учиться дальше. Обе получили высшее образование и работали по направлению: старшая Лида – инженером - экономистом в Красноярском крае, а Зоя - врачом - терапевтом в Хабаровске.

Но в 1989 году Михаил Карпович заболел - напомнили о войне боевые ранения. Осенью 1992 г., после продолжительного лечения в госпитале Хабаровска, Карпычу была дана первая группа инвалида Великой Отечественной войны.

8-го ноября 1998 г. после продолжительной болезни воин - солдат ушел из жизни...

Михаил Карпович был награжден медалями: "За взятие Вены", "За взятие Будапешта", "За боевые заслуги", ше-

стью юбилейными медалями к годовщинам Дня Победы и с гордостью носил звание "Ветеран Великой Отечественной войны".

Уходят тихо ветераны,
Недолечив войны той раны,
Летят их души в небеса,
Чтоб нам, живущим, дать наказ:
Беречь родную землю, защищать,
Захватчиков к ней близ не допускать!

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА НАРОДУ

- Стой, говорю тебе, стой, хуже будет!

Аннушка не чувствовала земли под ногами. Сердце надрывно стучало в груди, чувство страха заполнило все её существо. Улица была пустынна, лишь издалека доносились мелодичные звуки песни из ночного бара.

А позади слышались брань и приближающийся топот бегущего за ней мужчины.

Неведомая сила помогла ей взобраться на балкон первого этажа здания, как позднее оказалось, гостиницы. Переведя дыхание, она не сразу увидела открытую на балкон дверь из гостиничного номера. Тлеющий на душе страх сковывал движения. Внизу промелькнул силуэт бегущего мужчины и скрылся в ночной мгле. Оглядевшись вокруг, отдышавшись, она осторожно вошла в номер. В помещении стояли две аккуратно заправленные покрывалом кровати и две прикроватные тумбочки. Постояв некоторое время в недоумении, она присела на одну из кроватей. Завитки чёрных волос ниспадали на ярко-красную атласную блузку. От волнения грудь вздымалась, а щёки её пылали. Она сняла свои туфли и опустила ноги на мягкую поверхность ковровой дорожки. В это время на пороге появился мужчина с перекинутым через плечо махровым полотенцем. В руках он держал мыльницу и зубную пасту, щётку.

- Явление Христа народу! — только и сумел выговорить от удивления он. Для объяснения своего внезапного появления у Аннушки не находилось слов. Застенчиво улыбнувшись, она надела свои туфли и попросила разрешения выйти через входную дверь.

- Кто вы? Как сюда попали? — спросил Вадим Петрович.

- Вы всё равно не поверите мне, к вам я попала через балконную дверь, за мной гнался какой-то бандит.

- А почему вы в полночь оказались одна в городе?

- Я опоздала на автобус, а на такси у меня не хватило денег.

- Но я не смогу вас оставить здесь в номере до утра, — произнёс он, всё ещё стоя у порога двери.

- А я и не настаиваю, просто прошу вас разрешить мне выйти из номера.

Помолчав немного, он вежливо попросил Аннушку пройти на балкон. Сам уже надел рубашку, брюки, обулся и они вместе вышли из гостиницы. Администратор лишь удивлённо посмотрела им вслед. Такси долго ждать не пришлось. Вадим Петрович, однако, успел спросить у Аннушки её имя и записал номер телефона.

Открыв дверь своим ключом, Аннушка облегчённо вздохнула, сняв обувь, прошла в квартиру. Сын её, Владис, мирно спал, не выключив свет. Тихонько погасив лампу и прикрыв дверь, она прошла в свою спальню. Но уснуть ей не удалось. Произошедшее с ней в этот вечер казалось нереальным. Только вот облик Вадима Петровича казался до боли близким и знакомым.

Будто давно его знала. «Такой благородный, интеллигентный мужчина. Повезло ведь какой-то женщине...» — подумала она. Далее в памяти, как будто на телеэкране, стали возникать события прошедших лет. Вспомнился забавный случай, как однажды в детстве за ней гонялась гусыня, норовила ущипнуть её. А когда вывелись маленькие гусята, мать послала ее пасти их к реке. День был жарким, солнце палило нещадно. Встретила свою подругу, договорились идти вместе. От воды веяло прохладой. Недолго думая, решили искупаться. А чтобы гусята не разбежались, гу-

сыню привязали за лапку к дереву. Сами, позабыв про всё на свете, купались до посинения.

Промчались годы беспечного детства. После окончания педучилища Аннушка все эти годы работала воспитателем в детском саду. Малыши любили её. От их непосредственности забывались невзгоды. Припомнилось, как четырёхлетний Денис, затолкав в свою маечку два маленьких мячика, расхаживал по двору детского сада и говорил детям: - А я Анна Николаевна. Копировал ее. Свои же дети подрастали самостоятельными, к ней относились с пониманием. Отец их, литовец по национальности, после развода уехал на родину в Литву с дочерью, оставив Аннушке лишь фамилию Кубилюте. Приятели, сотрудники часто, за глаза, исказив фамилию, с усмешкой называли её «Кобелини», или «Та, у которой рот до ушей». Она никогда не обижалась ни на кого. Была она весела и задорна.

Таким образом проходил день за днём, всё плохое и хорошее растворялось в повседневности. После того, как в квартире раздался пронзительный телефонный звонок, ворох грязного белья был быстро водворён обратно в антресоль.

- Наверно, он, — мелькнула мысль, — ночной визави!

Но звонила подруга по поводу дня рождения внучки. Отключив стиральную машинку от электросети, она, стоя перед трюмо, подкрашивала помадой губы. Яркий наряд подчёркивал её стройную фигуру. И уже через пару минут троллейбус мчал её на другой конец города.

После того, как они с мужем разошлись, она не пропустила ни одной вечеринки, хотя за её импульсивностью и улыбкой скрывалась боль разлуки. На смотрины приехало много родственников и знакомых. Расположились гости в беседке под виноградником. Шум и громкий разговор утомили Аннушку. Да и на сердце было как-то беспокойно.

Уйти рано домой не удалось, пришлось возвращаться домой на такси. Окно на кухне было освещено. Войдя в квартиру, Аннушка сразу же обратила внимание на начищенные до блеска мужские туфли.

- Владис, кто к нам пришёл? — задала она вопрос. Ответа не последовало. А навстречу ей уже выходил с огромным букетом алых роз Вадим Петрович.

- Я тебя, такую знойную, давно искал, и вот, наконец-то, встретил, — тихо проговорил Вадим Петрович.

Владис протяжно вздохнул и, пожелав им доброй ночи, исчез за дверью своей комнаты, оставив маму с чужим дяденькой наедине. Лёжа в постели с закрытыми глазами, ещё долго слышал разговор двух людей, невесть каким образом встретивших друг друга.

На дворе простиралась непроглядная тьма. В доме давно были погашены огни, лишь одно окно, задёрнутое занавеской, освещалось до самого рассвета...

ПРОФИЛАКТОРИЙ

Каждое утро Любовь Ивановна размеренным движением рук накладывала макияж на лицо и, выпив чашечку кофе, спешила на работу в профилакторий от свинцового завода, который располагался в живописном месте на окраине южного города Н.

В знойные дни лета через крону деревьев лучи солнца не попадали во двор профилактория, где всегда стояла прохлада, дышалось легко. Во дворе росли кустарники и благоухали запахом пурпурного цвета розы.

Осенью деревья стояли в золотом наряде. Профилактическое лечение в основном получали высокопоставленные лица свинцового завода. Любовь Ивановна работала стар-

шей медсестрой, иногда подменяла медсестёр, работающих в водолечебнице на время их отпуска. Работа особого труда не составляла: наполнять ванну водой, подключать кислород. Выйдя из дома, она вспомнила, что не взяла с собой зонт. На дворе было пасмурно, и уже третий день лил дождь. Но возвращаться не стала. Придя на работу, посмотрев назначения в медицинских карточках, приступила к приему пациентов. Мужчины и женщины поочерёдно входили в помещение для процедур, после чего с чувством благодарности расходились по своим комнатам для отдыха или выходили во двор на свежий воздух. Многих она знала в лицо.

В это утро случилось так, что Любовь Ивановну вызвала к себе главврач. Когда она возвращалась к себе на рабочее место, её уже ждал пациент, мужчина возрастом чуть за пятьдесят, изысканно одет, вежлив.

Она провела его в помещение для водных процедур. Ванна была уже наполнена водой.

- Снимайте одежду, ложитесь в ванну, а я зайду подключить кислород, — произнесла она и вышла.

Через определённое время, открыв дверь, Любовь Ивановна от изумления не могла произнести ни одного слова. Оказывается, пациент, надев на себя чьи-то забытые женские колготки, лежал уже в ванне, погрузившись в воду под самый подбородок.

Разразившись безудержным смехом, закрыв ладошкой рот, она бежала в конец коридора по мягкой ковровой дорожке. Первой её заметила няня и, подойдя к ней и не зная причины её смеха, тоже стала заразительно смеяться.

Услышав смех, стали подходить другие работники, пациенты. Любовь Ивановна не могла остановиться от смеха, она, то наклонялась, то выпрямлялась. От неудержимого

смеха текли слезы, а черная тушь с ресниц растекалась по щекам, вызывая тем самым взрыв смеха у окружающих.

— Где, что случилось? — спросила у Любови Ивановны дежурная медсестра.

Она не смогла произнести ни одного слова в ответ, только указательным пальцем показывала в сторону водолечебницы.

Медсестра быстрым шагом подошла к двери водолечебницы, открыла дверь и взору её представилась такая картина: пациент, стоя у ванны в одних женских колготках, взирая на вошедшую медсестру, недоумевал, почему же к нему так никто и не зашёл подключить кислород. Медсестра только и сумела через порывы смеха произнести: «Одевайтесь» и выбежала вон. Ещё минут двадцать пациент находился в водолечебнице, смех постепенно стих, все работники разошлись по своим рабочим местам. Пациент, одевшись и выйдя из помещения, прошёл мимо Любови Ивановны, кротко поблагодарив ее, и вышел поспешно из здания профилактория. В последующие годы медработники больше его не встречали в своём учреждении, но, заходя в водолечебницу, постоянно предавались воспоминаниям об этом случае и пересказывали его в кругу своих друзей и знакомых. А байка об этом случае ещё много лет переходила из уст в уста людей южного города Н.

Надежда САФИУЛЛИНА

Светлой памяти Юрия Дмитриевича
Минакова посвящается

НАША МАШКА

Быль

Через неделю после ледохода, как только Енисей стал возвращаться в свое русло, разъездной теплоход «Техник» вышел из Красноярского порта в Брянку. Для молоденького старпома Юрия Минакова это была первая самостоятельная навигация. Шли тихим ходом. Инспектор из Москвы, ради командировки которого и был задуман этот рейс, проверял готовность береговых причалов, порушенных льдом, к открытию навигации и состояние самой реки для безопасного судовождения. Кроме инспектора, на борту были бакенщики и судостроители.

Однажды Юрий заступил на вахту. Пока капитан ушел пить утренний кофе, поднялся на мостик. Осмотрелся. Справа по борту на берегу какое-то стадо.

- Так это ж медведи. Они завсегда покидают свои берлоги от грохота ледохода, - пояснил бывалый боцман удивленному старпому.

Прошли еще километров пять. На том же берегу внимание Минакова привлекли две сосны, на вершинах которых шевелились два комочка. «Вороньи гнезда», - подумал он. Взял бинокль. Комочки действительно шевелятся.

- Что это может быть? – обратился Юрий к боцману. В это время на палубу поднялись проснувшиеся спецы речного флота.

- А ты нас перевези через протоку, там и посмотрим, - предложили они.

Подошел капитан. Увидев всеобщий интерес к происходящему, он позволил развернуть судно и приблизиться к берегу. Мужики выскочили на проталину. Мать честна! На деревьях сидели маленькие медвежата. Наверное, медведица покинула беспомощных детенышей, спасая собственную жизнь. Оставшись сиротами, они вскарабкались на деревья в поисках безопасности.

- Витька, неси топор! - крикнул один из бакенщиков радисту и, вооружившись необходимым инструментом, начал рубить сосну. Сменяя друг друга, мужики быстро свалили ее, потом другую. Первый медвежонок ловко скатился с дерева и скрылся в тайге.

Второго удалось поймать. Принесли на палубу. Сразу назвали Машкой. Кто определил пол, неизвестно, но Машка была красавица. Белая манишка под шеей придавала ей особый шик. Команда сразу полюбила ее и решила оставить. Каждый норовил найти время, чтобы поиграть с медвежонком и угостить чем-нибудь вкусненьким. Разбаловали. Машка повадилась на камбуз, где всегда можно чем-то полакомиться. Особенно любила сосать сгущенку из банки с предварительно пробитой крышкой. На ночлег всеобщую любимицу определили в кубрик по половому признаку. Маленькая гостя ночью напрудила на постель.

- Убирайте зверя! - потребовала кок.

Куда девать Машку? Капитан с боцманом, именуемые заочно «наши отцы», которым приходилось во время навигации решать сотни сложнейших проблем, не могли найти ответ для простой задачки.

- Давайте к радисту, - решили они.

А он и не сопротивлялся. В свободное время с удовольствием забавлялся с Машкой. И все шло неплохо. Но когда маленькую медведицу выносили на палубу, она менялась на глазах. Вдохнет таежного воздуха – и как будто зверь в

ней просыпается. Никого не подпускает. Взгляд милых глаз становится диким. Звереныш беспрерывно фыркает на приближающихся людей, как бы отпугивая их. Вроде неуклюжая, но если тронуть чуть ниже спины, Машка ловко выкручивалась и кусалась по-настоящему.

Однажды старпом, стоя за штурвалом, вдруг учуял запах дыма. Глянул вниз. У радиста открыт иллюминатор, и дымок идет оттуда. Радиста никогда без особой надобности не беспокоили. Он спит согласно своему распорядку дня. Но пришлось разбудить. Войдя в помещение, увидели дым, выходящий из-под кроватной полки. Оказывается, Машка каким-то образом нечаянно замкнула стоящие там аккумуляторы. От них загорелась проводка, произошло короткое замыкание. Как ее не убило? Впрочем, напряжение-то небольшое. Но Машка не желала вылезать из укрытия и никого к себе не подпускала. А зубки ее уже оставили свои отметины почти у каждого члена экипажа. Кое-как вытащили. Успокоили. Возгорание потушили. Хулиганку перенесли в рулевую рубку.

Ночью теплоход стоит. Команда и экипаж разошлись по кубрикам. А поутру обнаружили разорванную в клочья карту, изжеванный футляр бинокля и свежий помет во всех углах и не в углах тоже. Видно, пронесло медвежонка от кожи и бумаги.

- Куда девать Машку?! - ответ на этот обострившийся вопрос искал каждый. Коллективным умом пришли к выводу: надо строить клетку. Где? Соорудили и закрепили на палубе. Спокойно легли почивать. Утром обнаружили разбитый ящик. А Машки нет. Расстояние от теплохода до берега небольшое. Все вышли на поиск. Кричали, звали. Долго. Но инспектор из Москвы спешил в Брянку, и теплоход вынужден был продолжить путь. Вся команда пребывала в грусти и печали, мысленно прощаясь с Машкой навсегда.

Пришли в Брянку. Инспектор, проверив по курсу состояние судоходной обстановки, составил отчет. Этот материал необходимо срочно доставить в юридический отдел, а потому теплоход сразу отправился в обратный путь. Прошли километров 20 - 30. Неожиданно увидели по левому борту разбитую палатку, рыбаков и медвежонка на привязи.

- Да это ж наша Машка... Наша Машка! Особая примета – манишка – подтвердила очевидное.

- Где взяли медвежонка?! - Обратился капитан к рыбакам.

- Да вон там на дереве сидел, - махнули они в ту сторону, где «Техник» был совсем недавно.

- Отдайте. Это наша Машка! - потребовал капитан.

- И не подумаем.

- Выкуп дадим, - предложил механик.

- Два литра коньяку, - выдвинули свои условия рыбаки.

- Да где ж их взять?

- Ваши проблемы.

Решили вернуться в Брянку. Вскладчину собрали на два литра коньяку. Вернулись с выкупом к рыбакам и забрали Машку. Радости экипажа не было предела. Медвежонка передавали из рук в руки. Все понимали, что все равно скоро придется расстаться. Наконец, один из путевых мастеров пожелал взять медвежонка домой.

Высадили его, не дойдя до Красноярска, у Большого Пита – правого притока Енисея. С тех пор никто из очевидцев этой истории не видел и не слышал про Машку. Но команда еще долго вспоминала любимицу. Особенно, когда судно проходило мимо тех мест, где ее нашли. Не сговариваясь, все члены экипажа выходили на палубу и, молча, долго всматривались в берег, будто желая вновь увидеть ее.

КТО ВСЕЯДНЫЙ, или Особенности ангарской рыбалки

Быль

В тот год коренные богучанцы, по обыкновению, решили открыть подледную рыбалку в декабре. Именно в это время на Ангаре начинается зимнее ужение налима. Первые сборы всегда долги. Надо снасти достать с летнего хранения, амуницию, подкормку и наживку приготовить, харчи для себя не забыть и погоду выбрать соответствующую. Так как налимом кормятся только ночью и ходит по самому дну, то удить его нужно именно ночью и со дна. Бывалые рыбаки знают: чем темнее ночь и хуже погода, тем эта рыба берет лучше.

Наконец, все было готово. В назначенный день и час мужики отправились на Ангару. Ночи на северах всегда холодные. Но заядлым рыбакам не впервой. Вроде ничего не забыли, а рыбалка не задалась. Пробовали разную насадку. Угощали налима сначала червями, сохранными в подполе с лета, – не берет. Дескать, ешьте сами такую гадость. Затем предложили кусочки свежей рыбы, протухшего мяса, соленого сала. Кто-то захватил даже куриные потроха. А налимом не клюет, хоть и считается «парнем» всеядным. Не оголодал еще, что ли.

Мороз крепчал, и мужики решили подкормиться сами. Впереди длинная, зимняя ночь. И если пойдет клев, там уж не до еды. Достали приготовленные дома тормозки. Рыбачье братство не позволяет есть в одиночку. А потому к закипевшему на костре котелку мужики принесли две банки тушенки, жареные котлеты, лечо из домашних заготовок, рожки (макаронные), алюминиевые чашки и деревянные ложки. Пятнадцать минут – и мужское варево готово. Осто-

граммились. Потом еще по одной, а может, и не по одной. Ели с аппетитом.

- Говорят, что налиим охотно берет на живого ерша, с которого соскоблена чешуя, - начал Василий – любитель рыбацких баек.

- Почему надо обязательно снять с ерша чешую?! Вряд ли кто решится испробовать этот способ, - возмутился Александр, вытирая рот и любимую ложку.

- Да потому, что в холодной воде он бегаёт по дну, как угорелый, чтобы согреться, - ответил балагур.

- Трудно поверить в такую, не свойственную его породе живость. Ведь ерш - ленивая рыба, - продолжил свое сомнение педагог и рыбак-любитель в одном лице.

А Володька расхохотался и, хлопнув ладонью себя по лбу, воскликнул:

- Мужики, у меня же короед есть!

Он смачно выругался от досады на свою забывчивость, достал рюкзак, а из него и нужный корм. Согревшиеся и повеселевшие, рыбаки вернулись к пробуренным лункам. Громко рассуждали о том, как их товарищ мог забыть самую обычную и любимую насадку для налима. Хвалили за то, что не поленился заготовить личинок. Зимой добывать их из-под коры деревьев занятие очень непростое. Владимир высыпал из стеклянной банки наживку на лед. И тут...Глаза у всех троих нагнувшихся за насадкой рыбаков, широко открылись, округлились, друзья переглянулись. Перед ними лежали... рожки, которые надо было варить в похлебке.

- В такой же банке были короеды... - прошептал виновник и с подкатившей к горлу рвотой побежал в сторону. За ним, держась за живот, к кустарникам последовал Васька. Смешно было только Сашке. Он хохотал над потерпевшими до мокрых штанов. Казалось бы, отколь все это? Ведь замерзших белых короедов прежде они отогревали за губой в

собственном рту, чтобы те шевелились в воде, привлекая рыбу. А после вареных... так дали маху!

НЕОБЫЧНЫЙ ТРОФЕЙ

Быль

Эту невыдуманную историю рассказал мне знакомый охотник-любитель. Однажды он с друзьями отправился в тайгу. Раннее утро обещало хорошую погоду. Когда они прибыли к началу заранее обдуманного маршрута, солнце уже поднялось и осветило всю прелесть заснеженного леса. Роскошные сосны и кедры-исполины стояли в богатых белых шапках и тулупах. Сразу видно: хорошо подготовились к предстоящим морозам. Но вверх охотники смотрели недолго. Их больше привлекал снежный покров под ногами, а точнее то, что оставили на нем постоянные жители тайги: зайцы, косули и, чем леший не шутит, ее косолапый хозяин - медведь.

Следов после ночного снегопада было достаточно, чтобы увлечь любителей погоняться за лесным зверем. Выбрав следы косули и встав на широкие лыжи, охотники распределились по направлениям. Решили обнаружить лесную красавицу и, окружив с трех сторон, взять добычу легко и спокойно. Однако она долго водила их по тайге. Друзья даже видели косулю издалека, но живая мишень оставалась недосягаемой для расстояния ружейного выстрела и всякий раз уходила от охотников, разжигая в них азарт. Километров сорок набегали они по тайге, и все попусту. Устали. Решили потрапезничать.

Со слов моего знакомого, развести таежный костер – особое искусство. У них были и опыт, и сноровка. Мужики разгребли сугроб, оставшийся снег притоптали. Сделали на-

стил из лапника. Собрали сушняк, его в любом лесу всегда полно. Но сначала на одно толстое бревно они кладут два-три полена поменьше, с подветренной стороны. Рядом сухие ветки и бересту, разорванную на тоненькие полоски (крупные куски при горении сворачиваются в трубочку и гасят огонь). Именно от такого костра получаются жаркое пламя и много углей, чтобы согреться. Описывая это событие, рассказчик поделился своими впечатлениями:

- Костер на снегу – ни с чем несравнимое явление. Ни с огнем камина в городской квартире или в собственном доме с печным отоплением, ни с летним костром на опушке леса. Ведь когда горят еловые ветки, летящие от них искры, треск и запахи смолистой сосновой коры (кстати, которая горит даже под дождем) делают лесную поляну на исходе короткого зимнего дня уютней охотничьего домика в тайге. Похлебка, приготовленная на таком костре, всегда получается очень вкусная. Вкусней не бывает. И незабываемая. Наверное, потому что бег за зверем по глубокому снегу возбуждает звериный голод.

Друзья хотели ограничиться горячим чаем, достали походный котелок, набросали в него смородиновых веточек, которые нашли, собирая хворост, но после горячего лесного напитка аппетит только обострился. Их желудки требовали более серьезной еды. Не сговариваясь, решили, не мудрствуя лукаво, все припасы, замерзшие в рюкзаках в «кол», опустить в кипящую воду. В тот раз это были...

Записывай, дорогой читатель, новый рецепт отменного супа: по одной банке консервированной сайры в масле, тефтелей в томате, говядины тушеной, плюс сваренный дома холодец, шматок соленого сала, пакетик китайской лапши, по головке лука и чеснока. Все это мигом закипело.

Охотники ели неизвестное в мировой практике блюдо так, что за уши оттянуть их от котелка не удалось бы никому.

- Мне даже ребрышко попало, - похвастал один из друзей, обгрызая маленькую косточку. Товарищи молча переглянулись.

- У меня в рюкзаке такой роскоши не было, - сказал другой.

- У меня тоже, - поддержал друга третий. — А ну-ка покажи.

Первому оставалось только показать предмет, который он так смачно обгладывал. И тут все расхохотались. Смеялись долго, как могут смеяться настоящие мужики после сытного обеда. Ребрышком-то оказалась веточка смородины, оставшаяся в котелке после чая.

Прошло десять лет. Друзья еще не раз встречались для поездки на охоту. И охотничье хлебово готовили на костре не единожды. Но повторить тот рецепт им не удалось ни разу, несмотря на то, что его ингредиенты каждый из них запомнил на всю жизнь. А при слове «ребрышко», услышанное в любом контексте, они смеются до сих пор.

Тамара ХВЕДЧЕНЯ

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Ирина с грустью смотрела на зелёные листики малины, накрытые тяжёлыми снежными хлопьями. Белое и зелёное... Любимое её сочетание. Именно таким, бело-зелёным, было её пышное платье с круглым воротничком, в котором она была у Галки тогда, в то далёкое-далёкое лето... Снег в сентябре – явление не редкое в Сибири, но чтобы 6 сентября...

Тоскливо, грустно, холодно на сердце. Оно тоже казалось Ирине бело-зелёным, как капустные кочаны и грядка свёклы за окном в огороде. Белое – это безысходность, на веки вечные запрет быть по-настоящему счастливой и любимой. А зелёное – это сегодняшний день с его реалиями: 12-летняя дочь, однокомнатная квартирка в Кемерове, крохотный оклад, ежедневные визиты изрядно подвыпившего мужа.

Стучат по водосточной трубе огромные капли талой воды, сеет и сеет частый, мелкий снежок, будя непрошенные воспоминания...

Тогда, придя к Галке, она попала совершенно случайно на оголтелую вечеринку, стихийно возникшую, как и всё в жизни её шальной подружки. Ирину представили двум незнакомым мужчинам: один – совсем ещё мальчик с румянцем во всю щеку, смущённо краснеющий всякую минуту, когда к нему обращались девчата. А другой... О, он был совсем другим: немного за тридцать (женат, наверное!), с грустными пепельными глазами и первым робким серебром в аккуратно подстриженных тёмных височках.

- Это наши гости - лётчики Виктор и Алёша, - мимоходом бросила Галка, облив Алёшу синим взглядом. А Иринуному

сердцу под белым с зелёными листиками платьем стало как-то жарко и тесно. Странное ощущение, неведомое доселе...

Снег всё сыпал и сыпал с бледно-серого неба, такого низкого и бездонного одновременно. Ирина отошла от окна, села на диванчик. Здесь лучше слышно, что творится на улице. Она ждала, когда подъедет машина, чтобы увезти её подальше от её воспоминаний, от неё самой.

А события семнадцатилетней давности, захлестнувшие Ирину, как порывистый северный ветер, понесли её дальше, дальше, дальше...

Молоденькая девчонка, неумеха, дурёха, скромница... И чем она приглянулась Виктору? Ирина хорошо помнит, как обожгли плечи его большие, несуетливые ладони, обнявшие её в медленном танце. И его глаза: грустные-грустные, серые-серые, как сегодняшнее небо за окном...

Ирина вздрогнула от резкого сигнала машины, вскочила и замерла на мгновение, чтобы унять жаркий стук сердца. Лёгкой ладонью провела по модной стрижке, проходя мимо зеркала в прихожей.

Виктор вышел из машины, открыл багажник, взял из Ирининых рук дорожную сумку, щёлкнул замком. Распрямылся. Седая львиная грива, элегантный замшевый пиджак, подтянутый, молодежавый. - А ведь уже 54 года, - мысленно отметила Ирина, усаживаясь на переднее сиденье.

- Как настроение? – игриво спросил Виктор, не глядя на Ирину. Она-то отлично знала, что эта игривость – бравада, а эта дежурная фраза – камуфляж. И в тон ему ответила:

- Лучше всех! – выдержала настойчивый взгляд пепельно-серых глаз, в которых только она одна могла увидеть крохотные искорки и она одна могла раздуть из них потухший костёр.

- А мои сегодня гостят у Татьяны Сергеевны, вечером заберу. Иришке завтра в садик, а у жены отпуск закончился, - Виктор посмотрел в зеркальце заднего обзора. – До поезда у нас с тобой целых три часа. Давай махнём на Звонкий ручей. Помнишь?

Ну как не помнить Ирине это местечко? Ту грешную августовскую ночь, хохочущие хороводы высоких звёзд над головой и счастье, рвущееся к этим недосягаемым светилам!

- Может, не надо? Кто-то из великих предупреждал, что не стоит возвращаться туда, где тебе было хорошо. Ведь всё иным покажется сейчас...

Ирина сжала пальцами мягкую кожу маленькой сумочки.

- Упрямый, милый, родной, любимый, только мой мужчина, - горделиво подумала она, следя за такой знакомой и такой забытой дорогой. Вот и та полянка, вот и та сосна...

Не дожидаясь, когда перед ней галантно распахнётся дверца «Жигулей», она быстро вышла из машины, накинула на голову капюшон и почти побежала по бело-зелёной траве... К той сосне... Обняла её старый мудрый ствол, подняла голову вверх. Это чтобы не побежали по наклонной дорожке внезапно хлынувшие слёзы...

Виктор неслышной походкой подошёл вплотную, обнял за талию, повернул к себе. Осторожными поцелуями осушил готовые пролиться слёзы.

- Не надо, милая, - грустные пепелища его глаз нежно смотрели на Ирину. – Я часто бываю здесь, под этой сосной. Ирина изумлённо вскинула на него внезапно засиявшие глаза. – А твои глаза сейчас – такие же, как тогда, сияющие, чудные, незабываемые... Прости, что никогда раньше тебе об этом не говорил... Боялся... Ты для меня сейчас всё – и прошлое, и настоящее, и будущее.

Ирина молчала. Редкий снежок таял на его седой импозантной голове, превращаясь в искрящиеся мелкие капельки.

- Правда, ты мне можешь возразить. Ну, какое ты для меня настоящее, если живёшь за сотни вёрст? И какое будущее, если я не собираюсь бросать свою семью? Нонсенс? Нет, моя хорошая, всё так. Ты всегда со мной, ты светишь мне, я и внучку назвал твоим любимым именем. Просто не суждено нам быть вместе... А будущее? Посмотри, сколько шишек под нашей сосной? Много? Так и у нас с тобой впереди ещё много встреч. Потому что я... люблю тебя, - Виктор умолк.

Ирина высвободилась из его рук, тихо пошла к ручью. Сорвала голубую ромашку, серединка которой стала крохотным белым шариком. Вспомнила вчерашний разговор с Галкой.

- Ну что ты маешься? Красивая, умная баба, да тебе же цены нет! И чего Володьку выгнала? Приятный, обеспеченный. И любит ведь тебя. Надо на земле жить, Ириш, а не витать в облаках! Ведь тебе 35! И Алёшка мой тебе то же говорит. Не понимаю я тебя, честное слово!

Вода в ручье была обжигающе холодной и прозрачной. Тонкие, по-осеннему золотистые былинки согнулись под тяжестью тающего снега. Рука Виктора перехватила Ирину за запястье, развернув руку ладонью вверх. Тёплые губы прижались к нежной ладошке, испещрённой извилинами и дорожками переменной судьбы.

- Поехали.

Обратную дорогу Ирина проплакала, глотая слёзы, не вытирая их и не пытаясь сдержать. Виктор молчал.

- Ты на Наташкин юбилей приедешь?

Ирина кивнула. Он развернул «Жигули», поставил их в аккуратный рядок верно ждущих своих хозяев машин. Пер-

рон заполнялся пассажирами, мокнувшими под снежными каплями в ожидании локомотива.

- Мне пора. Знаешь, признание за признание: Светланка – твоя дочь.

Ирина намеренно резко отвернулась и быстро зашагала к вагону.

Косо летящие снежинки жалобно бились о вагонные стёкла, расплываясь грязными кляксами.

Проплыл мимо вокзал, ровненький рядок разномастных машин. Ирина отыскивала знакомые белые «Жигули». Медленный ход поезда дал возможность выхватить из салонной пустоты импозантную седую голову, склонённую на руль...

Мелкой крупной летел с высоты реденький снежок. Снег в сентябре – явление не редкое в Сибири, но чтобы 6 сентября... Он, наверное, предвещал долгую и тёплую осень.

РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Житейская история

Автобус шумно фыркнул, тормозя, выпустил пассажиров, спешащих на самый дешёвый городской рынок. Толпа хлынула в узкий проход, и Николай с трудом удержал потную ладошку сына. Пашка ещё небыльшёнкий, а вот за дочь-студентку переживать не приходится: высокая, сильная, сливового цвета голова далеко видна, не затопчут.

Базар – это уникальное место: и по яркости цветов и красок, и по людским типажам, населяющим его, и по информации, которую можно получить, читая ценники и этикетки. А главное... Главное – это тебе не магазин, где всё чопорно, безлико и традиционно: вопрос, ответ, касса, красиво упакованная вещь и ехиднёнький плакат «Спасибо за покупку!»

На рынке же – всё иначе. Здесь можно обсудить современную молодёжь с какой-нибудь дореволюционной бабулей, поймать заинтересованный взгляд перезревшей молодки, ткнуть носом невежу-девчущку, забывшую элементарные правила хорошего тона, послушать «Дунайские волны» в исполнении подвыпившего инвалида-балалаечника, кинув в его помятую кепку какой-нибудь рублишко, отвесить собачьего шашлычка, аппетитно пахнущего, несмотря на зоологическую характеристику употребляемого мяса. Здесь всего много: денег и слёз, наглости и надувательства, лицемерия и равнодушия, ругани и воровства. Рынок просто нужно видеть.

Размышляя таким манером, Николай неторопливо шагал по шумным базарным рядам, радуясь временной тени от редких парусиновых крыш в этот жаркий июльский день. Дочери нужно купить спортивный костюм, но на её непонятный отцу вкус трудно что-нибудь выбрать с ходу.

Ленка равнодушно шла мимо зазывно белеющих и краснеющих вставными полосами брюк и костюмов, достаивая их самого поверхностного взгляда. Отец и Пашка смиренно шагали за ней, ожидая, когда же закончится этот знойный марафон. Ленкины длинные ноги в полосатых «велосипедках» подрулили к раскалённому докрасна контейнеру. Действительно, бело-синий спортивный костюм обращал на себя внимание строгостью и элегантной красотой. - Без всяких петухастых вставок и других прибаамбасов, - про себя отметил Николай.

Сторговались быстро. Чёрная с молниями сумочка на поясе у Николая заметно похудела.

- Пап, купи арбуз! – попросил Пашка.

Арбуз выбрали большущий, ярко-полосатый, спелый, должно быть. Пробираясь к выходу, наполнили авоську с

успокоительной надписью «50 кг» колбасой, пряниками, капустой.

Пакет с купленным костюмом достался Пашке: легко нести, удобно маневрировать в толпе. Николай нёс арбуз, Ленка – авоську со снедью.

У самого выхода немолодая женщина в бейсболке с большим солнцезащитным козырьком торговала спортивными тапочками.

- Пашка, давай тебе примерим, кроссовки скоро совсем развалятся, уже каши просят.

Пашку не нужно просить дважды. Положив свой лёгонький пакет на клетчатую полупустую сумку торговли, он стал торопливо примерять тапочки. Удобные, сине-белые, лёгкие такие!

Прижав к груди покупку, Пашка шёл за Ленкой, радуясь обновке.

Уф, наконец-то рынок выпустил их на улицу, дурно пахнущую горелым бензином и горячим асфальтом. Миновав два квартала, зашли в магазин. Ленка купила заколку под жемчуг, протянула её Пашке.

- Положи в пакет!

Пашка обомлел: пакета с Ленкиным костюмом не было! Сестра округлила и без того большие глаза:

- Где пакет, урод? Где, я спрашиваю? – яростно сжались кулаки, брызнули слёзы. – Пап, Пашка пакет с костюмом на рынке оставил!

Ленка плакала, уже не стесняясь, зная финансовое положение их далеко не богатой семьи.

- А что же ты, дура здоровая, сама покупку свою драгоценную не таскала? Кто тебе теперь пакет вернёт? Это тебе не бюро находок! – Николай повернул было обратно на рынок, но раздумал: ведь уже почти час прошёл. Да и где Пашка его посеял? Как теперь об этом Лиде сказать? Ведь

запилит: - Ничего тебе нельзя доверить, Господи! Хуже ребёнка малого! На какие шиши девочке нужную вещь спрашивать?

А вдруг? Может, остались ещё и на рынке честность и доброта? Николай повернул обратно.

Вот и та пожилая женщина, торгующая спортивными тапочками.

- Вернулись? А я ведь вам кричала, вы не услышали. Вот ваша сумочка.

Николай оторопел. Дрогнувшей рукой он взял мягкий фиолетовый пакет с костюмом дочери и сказал хриловато:

- Ой, спасибо вам, милая женщина! Я уже и не чаял найти.

Торопливо расстегнув сумочку на поясе, вынул последнюю пятидесятку и, не раздумывая, протянул её женщине.

- Вот, возьмите, это Вам за доброту!

Женщина обидчиво поджала блёклые губы:

- Ну, зачем вы так? Купите на неё конфет и шоколадок сыну. Зачем вы меня обижаете? Никогда чужим не жила, а уж как жить-то приходилось, Господи!

Пакет с костюмом теперь несла Ленка. Слёзы высохли, глаза сияли.

Да, рынок – это действительно уникальное место! Здесь всего много: денег, наглости, надувательства, воровства. Но и доброта с порядочностью не перевелись. И дай-то, Бог!

СОДЕРЖАНИЕ

Геннадий Назаров	
В деревне у бабушки	3
Людмила Вишнякова	
Монстера	12
Воробьиная суета.....	15
Георгий Русалеев	
Город белых ромашек	18
На сплаве	21
Зоя Смолянинова	
Ранний выстрел.....	25
Евгения Русалова	
Встречи с волками	30
Наталья Сорокина	
Вся жизнь в кошельке.....	36
Не за горшочек масла.....	39
Наталья Русалова	
Романтика.....	43
Елена Королева	
И жизнь, и слезы, и любовь	45
Душа была полна	47
Секретики	49
Татьяна Антропова	
Обряд	52
Вера Павловна	54
Татьяна Горбунова	
Змея.....	59
Поединок	60
Людмила Дубовцева	
Говорящая банка.....	63
Людмила Живаева	
Невыдуманная история.....	65

Наталья Натальченко	
Проверка на прочность	75
Озеро Светлое	78
Сергей Новиков	
Египетские «страсти»	81
Лидия Новоселова	
Карпыч	103
Лариса Сергеева	
Явление Христа народу	107
В профилактории	110
Надежда Сафиуллина	
Наша Машка (памяти Юрия Минакова посвящается)	113
Кто всеядный, или Особенности ангарской рыбалки	117
Необычный трофей.....	119
Тамара Хведченя	
Снег в сентябре	122
Рыночные отношения.....	126

Когда приходит вдохновение

Коллективный сборник прозы

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 24.12.15. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 8,25. Бумага офсетная.

Тираж 150 экз. Заказ 01-10

Отпечатано в типографии «Литера-принт».

Тел. (391) 295-03-40

Шарыповский творческий клуб «Вдохновение» имени Людмилы Вишняковой, созданный в 1997 году, активно готовится встретить двадцатилетний юбилей. Учитывая пожелания своих поклонников, писатели клуба решили осуществить давнюю мечту: издать коллективный сборник прозы. К достоинствам этой внушительной по объему книги следует отнести серьезные размышления авторов о вечных человеческих ценностях, волнующие, дорогие сердцу воспоминания, реальность и жизненную силу героев – наших современников. Интересное содержание, актуальные темы сегодняшнего дня, простота изложения, яркий, образный язык делают этот сборник доступным и понятным широкому кругу читателей. Особенно тем, кто любит, понимает и ценит художественное слово.